

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

21

МЮНХЕН 1981

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 21

Июнь 1981

МЮНХЕН

В. ПИРОЖКОВА

ВСЕЕДИНСТВО?

От недавно приехавших за границу из Советского Союза, — я не знаю, — как их назвать иначе, т.к. многие не хотят быть включенными в "третью волну" и имеют на это основание, я же просто говорю о тех, кто недавно приехал, независимо от того, выехали они легально или бежали, — можно слышать время от времени жалобы на разъединенность эмиграции. Некоторые идут дальше и сокрушаются не только о разъединенности эмиграции, но вообще о разъединенности человечества, вспоминая о Владимире Соловьеве и его идеях всеединства.

Попробуем сначала присмотреться к этой идее глобального всеединства. В. Соловьев всю свою жизнь занимался построением таких всеединств, как в духовном, так и в земном аспекте. Это грандиозные построения большой глубины духа, производящие большое впечатление. Соловьев был человеком феноменальных способностей. В 21 год он защитил магистерскую диссертацию и стал доцентом университета, и когда левый студент, старше его по возрасту, хотел "просветить" "бедного" молодого доцента и принес ему список книг философов-материалистов, которые Соловьев для пополнения своего образования непременно должен был по его мнению прочесть, Соловьев, просмотрев список, тут же по памяти дополнил его и отдал смущенному "просветителю".

Уже в его юношеской диссертации развернута картина всей западной философии. Потом он изучал не только христианское богословие разных вероисповеданий, но так же иудейство и мусульманство. Он изучил древнееврейский язык и погружался в разные направления иудейства, изучив прежде, конечно, досконально всевозможные направления христианства.

Ему все казалось, что разделение между людьми — это какое-то недоразумение. В особенности несущим он считал разделение христианских церквей между собой. Мистик и символист в поэзии, он видел перед своими

внутренними очами то совершенное единство, к которому он стремился. Ему казалось, что оно уже существует в глубине, но только скрыто от наших глаз **кажущимся** разделением. Разделение он считал несущим, лишь видимым, кажущимся, всеединство же по истине сущим, уже даже осуществленным, несмотря на видимое разделение. Поэтому, например, он не понимал, что кто-либо может переходить из одного вероисповедания в другое, которое данному человеку представлялось бы более полным христианством: зачем же переходы, когда все равно все уже теперь едино, разделение же лишь кажущееся, несущее.

Эти идеи Соловьева были тесно связаны с его представлением о зле. Соловьев считал зло несущим не только в том смысле, в каком лишь Бог истинно Сущий, все же остальное, в том числе и зло, несущее, нет, он считал зло просто реально несуществующим. Зло было в его глазах лишь отсутствие добра. При увеличении суммы добра по его мнению должна была автоматически уменьшаться сумма зла, не только его количество, но и его интенсивность.

Только за четыре года до смерти В.Соловьев понял в неожиданном прозрении, что зло — реально существующая сила, интенсивность которой вполне может возрастать по мере возрастания добра, т.к. зло готовится к борьбе с выросшим добром.

Одновременно с прозрением относительно природы зла В.Соловьев понял, что основанное на истине всеединство невозможно, т.к. всегда найдутся люди, которые отвернутся от истины. Соловьев понял неизбежную и в нашей жизни жесткую альтернативу: или служение истине, или всеединство.

Всю свою жизнь изучавший Священное Писание, Соловьев только в эти последние годы своей жизни до конца понял значение слов Христа: "Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение.

Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех” (от Луки, 12, 51–52). У евангелиста Матфея записано еще резче, а именно, что Он принес не мира, меч.

В своем последнем гениальном произведении ”Три разговора и краткая легенда об антихристе” Владимир Соловьев развенчал все свои прежние мечты о всеединстве, сотворенном руками людей. Великое всеединство всего мира удастся сотворить и завершить не христианам и не во имя Христа, всеединство воздвигает антихрист. Только он один и может создать всеединство, т.к. истина ему не важна. Он может заключать компромиссы и там, где они недопустимы, он может всем все обещать, он не связан обязательством перед истиной, наоборот, его сфера — ложь, и в этой сфере лживой лжи он может соединить всех, кому истина недорого. А их подавляющее большинство. С большим мужеством искренности В.Соловьев показал все свои прежние мечты о всеединстве в свете нащептываний дьявольской силы.

В ”Легенде” подавляющее большинство христиан всех вероисповеданий следуют за антихристом в его дурное всеединство. Только небольшая часть, также состоящая из представителей всех вероисповеданий, не прельщается ложным всеединством и уходит в пустыню, где и происходит объединение малого стада оставшихся верными Христу христиан.

На это сразу же можно возразить, что люди разбивали друг другу головы из-за расхождений, которые через сто или двести лет казались уже совсем неважными, не стоящими не только войны с оружием в руках, но даже и борьбы с помощью более мирных средств. Это верно. Люди нередко принимали и продолжают принимать относительное за абсолютное, второстепенное за главное — и наоборот. Кроме того, некоторые проблемы были в другую историческую эпоху действительно первостепенными, в нашу же эпоху они потеряли свою важность. Но ошибки людей не означают, что абсолютных ценностей нет, что нет ценностей, не меняющихся в ходе истории и в которых уступать нельзя.

Даже если мы возьмем исторически преходящие ценности, именно тот или иной политический строй, то в рамках его можно делать ряд уступок, можно идти на ряд компромиссов, но нельзя идти на компромисс с врагами этого строя как такового. Демократия, например, — это политический строй, который живет компромиссами, стремится уравновесить

разные силы путем уступок. Но и он не может делать уступок тем, кто хочет уничтожить самое демократию. Игра с легальными коммунистическими партиями и их участием в выборах кончится в тот момент, когда какая-нибудь коммунистическая партия в какой-нибудь стране получит такое большинство, которое даст ей возможность стать во главе правительства. Тогда путем свободных выборов будут уничтожены свободные выборы. Так произошло в 1933 г. в Германии, когда национал-социалистическая партия на выборах получила большинство. Как только тоталитарная партия перенимает власть, она устанавливает единство, основанное не на уступке и компромиссе, а на подавлении всех инакомыслящих. Так что и в аспекте государственности и жизни общества нельзя пытаться создать всеединство с силами, которые стремятся только к одному: поглотить, подчинить все себе и обратить в духовное рабство. Не говоря уже о том, что есть и высшие, абсолютные ценности, уступать в которых совершенно недопустимо. Никакое всеединство этого не оправдывает. Отступление от истины ради всеединства отдаст это самое всеединство в руки антихриста.

Но спустимся с высот общечеловеческого всеединства и даже с уровня целого государства и народа. Для русской эмиграции это пока лишь абстракция. Спросим себя, не могла ли бы хоть русская эмиграция объединиться между собой? Один из недавно приехавших из Советского Союза сказал мне: ”У нас было совсем другое представление об эмиграции, мы думали, что она объединенная и сильная.” В самом деле, русской эмиграции труднее, чем другим национальностям в той же эмиграции организовать хотя бы относительное объединение.

Под каким знаком должно было бы это объединение возникнуть? Боевые организации были. Вопреки презрительному мнению многих новоприехавших, эти организации делали много и несли жертвы. Они представляли опасность для большевиков, иначе последние не приложили бы столько сил для того, чтобы подорвать их, инфильтрировать или разгромить. Вообще, хотя коммунисты стараются инфильтрировать или разгромить антикоммунистическую организацию любой национальности, на русские организации они обращают наиболее пристальное внимание, т.к. русские антикоммунистические и антисоветские организации для них особенно опасны.

Ну а если создать нейтральную организацию? Не антикоммунистическую, не антисоветскую,

а "надмировоззренческую", как это теперь можно услышать от некоторых представителей "третьей"? Имеет такое объединение вообще какой-нибудь смысл? Во всяком случае, если оно будет "надидеологично" в том смысле, что и коммунисты будут иметь возможность в него входить, то очень скоро оно станет из надидеологического вполне идеологическим и притом в весьма определенном смысле.

Так что при всем понятном стремлении к единству нельзя забывать: истиной нельзя поступаться ни в коем случае и ни ради какого единства.

P.S. Эта статья была уже написана, когда произошло страшное покушение на Папу Рим-

ского Иоанна-Павла II. В № 20 мы опубликовали и поставили на дискуссию статью М.Михайлова, который писал о первом в истории славянском Папе Римском и соединял с этим тоже мечты чуть не о всеединстве. И вот нескольких секунд было почти что достаточно, чтобы уничтожить того человека, с которым М.Михайлов связывал свои надежды. "Почти" — Папа остался жив, и мы надеемся, что он совсем поправится. Кроме того, надежды на объединение не должны быть связаны с какой-либо определенной личностью, — и все же... Здесь мы увидели как в фокусе, как в блеске молнии, то сплочение фаланг зла, о котором мы пишем в нашей статье о всеединстве.

Дмитрий ПАНИН

ДАЕШЬ ПРАВО НА ЗАБАСТОВКИ!

На Западе с 1972 г. я сделал все, что мог, чтоб довести до нашего населения, эмиграции и людей свободного мира выработанный план устранения режима путем "революции в умах" (1). В этом я вижу свой долг перед народом.

Каковы основные положения революции в умах?

— Опора на "микробратства", образованные в ходе жизни под террором естественным путем из людей, которые полностью доверяют друг другу. Постепенное объединение микробратств через "мостики", которые они перебрасывают между собой;

— Правдивая информация миллионов микробратств с помощью радиостанции сил освобождения, находящейся за пределами СССР. Ее цель разоблачить преступления режима, разгромить марксизм, доказать пустоту и вред безбожия, предложить новые философские взгляды, развивающие в людях великодушие и исключают мстительность и сведение счетов;

— Применение принципа "сила против насилия в ходе революции";

— Подготовка населения к новым формам жизни;

— Координация действий на всех стадиях революции;

— Всеобщие забастовки в последней ее стадии.

Мои работы и мои старания прошли мимо правозащитников. Похоже на то, что никто из них не удосужился познакомиться с планом. Все эти годы у меня к диссидентам было доб-

рожелательное, уважительное и одновременно критическое отношение. Но мои к ним отношения были для них гласом вопиющего в пустыне. Так моя статья "О стратегии борьбы с режимом в СССР", напечатанная в газете "Русская Мысль" (31.8.78), не обратила на себя внимания правозащитников. А именно в этой статье я утверждал, что "Демократическое движение диссидентов должно стать забастовочным движением". Через два года польские события подтвердили правильность этой мысли. Забастовочное движение не исключает правозащитного движения, но важно вовлечь в дело освобождения миллионы, которые породят тысячи активных участников. Если бы революция в умах подверглась в свое время серьезному обсуждению россиянами, в том числе и диссидентами, среди которых немало образованных энергичных молодых людей, то, возможно, забастовочное движение началось бы уже в СССР.

Ложные установки правозащитного движения привели его к окостенению. Время для правозащитников остановилось. Они отмахиваются от глухой борьбы населения с режимом и боятся установить связь с теми, кто стоит за устранение режима. Всеми силами они создают на Западе миф о своей исключительности в противостоянии режиму. Благодаря всему этому, правозащитники осуждают борьбу с режимом и подчас мешают силам освобождения. В целом правозащитники отличаются следующими признаками:

— до сих пор не сформировали своей конечной цели и, соответственно, не имеют ни так-

тики, ни стратегии, ни плана действий;

— альфой и омегой для них стала фраза о правах человека;

— вера в возможность эволюции и самоисправления режима граничит с слабостью мышления. Надежда на дворцовый переворот аналогична чаяниям "треста" в двадцатые годы, когда эмиграция сама себе запретила вмешиваться в советскую действительность.

— отказ от революционной борьбы с режимом лишь продлевает угнетение населения.

Неудивительно, что Клебанов и его друзья в обстановке захоронения и замалчивания идей не были знакомы с принципами и стадиями предлагаемой мною революции в умах. Ведь до того, как выйти на поверхность, им предстояла большая подготовительная работа в "микробратствах" и установление связи между ними с помощью "мостиков". Так было в Польше, где образованные люди не трусились, не сторонились рабочих, а создали в подполье ядро свободных профсоюзов, благодаря огромному числу мостиков, переброшенных между микробратствами. Лишь затем, обеспечив себе победу, они перешли к открытым действиям. Клебанов же и горстка его последователей пошли по ложному пути правозащитников, то есть сразу стали действовать открыто без поддержки микробратств. Поэтому немалую часть вины за поражение свободных профсоюзов в СССР следует возложить на ту часть свободной печати, которая закрыла свои страницы обсуждению самой жгучей проблемы современности (2).

Требование защиты прав человека в силу своей расплывчатости не может быть на первом месте в нашу эпоху. Оно должно быть увязано с главными показателями свободы угнетаемого населения: правом на забастовки и политические объединения. Тогда можно будет пригвоздить к позорному столбу комму-

нистические режимы.

Западные сторонники коммунизма прекрасно использовали "права человека" для наступления на страны, преградившие у себя дорогу марксистской кабале. Козлами отпущения стали греческие "черные полковники", чилийский генерал Пиноше, правительства Аргентины и Южной Африки, и, таким образом, удар от коммунистических режимов был отведен.

Близорукость правозащитников и их неумелость во главе с Картером доказана в международных масштабах.

Пора правозащитникам выразить свое отношение к делу освобождения от режима. Предложить или согласиться с рекомендуемой стратегией.

Одновременно очень хотелось бы и, в первую очередь, в ведущих журналах, и в тех, что проникают в СССР, дать на суд читателя существующие планы освобождения от режима будущего устройства России в связи с новым мироустройством, современную политэкономия для века социальных битв, национальную проблему, достижения современной философии, работы, разоблачающие марксизм и коммунистическое безбожие.

Или отставание и окостенение, или град идей, направленных на угнетателей и способных подорвать крепость режима.

Со своей стороны я могу лишь пожелать, чтобы план революции в умах был доведен как можно скорее до россиян и обсужден ими. Для проведения революции в умах в СССР требуется радиостанция сил освобождения за пределами самой страны. Усилиями зарубежных россиян можно добиться ее создания, ведь погода резко меняется, и избрание Рейгана подает надежды.

Право на забастовки — вот чего надо добиваться в первую очередь.

Даешь право на забастовки!

Ариэль КОЭН

ОШИБАЮЩИЙСЯ ДВАЖДЫ

С началом индустриализации СССР Запад, еще невинно не признавший коммунистического режима, начал усиленное развитие промышленной базы Совдепии. Кто не помнит ДнепроГЭС-а и ГАЗ-а?

Львиная доза советской промышленной мощи направлена на усиление аппарата подавления — как внутреннего, так и внешнего. Одна-

ко и в наше время Запад прилагает все усилия для укрепления и обновления советской промышленной базы /как и было задумано отцами "операции детант"/. Возможно, что без западных кредитов, технологии и оборудования Политбюро предпочло бы в некоторых случаях масло пушкам, а в определенных областях вооружений не смогло бы добиться ра-

венства или столь пугающего превосходства.

Но, как и в вопросах умиротворения тоталитарного агрессора, в вопросе вооружения будущего врага Запад проявляет политическую недалекость, не извлекая уроков из собственного исторического опыта, из сравнительно недавних и совсем свежих трагических ошибок. Это может стоить большой крови. И как не вспомнить ту пресловутую ленинскую веревку или министра финансов из "Тени" Е. Шварца: цена была так высока, что он продал яд собственным отравителям.

Оснадив клыками военно-промышленного комплекса советского медведя, Запад с радением занялся откармливанием красного китайского дракона – в тихой надежде на столкновение обоих. Для укрепления драконовых зубов Запад "сыплет" красному Китаю в кормушку современную авиа- и электронную технологию.

Не стоит забывать, что "ссора" между Китаем и СССР не имеет под собой никакой идеологической базы, и в данный момент взаимные обвинения совершенно волшебным образом подходят под столь любимые политиками Запада концепции империалистической политики и Союза, и красного Китая. Эти концепции дают окраску "конвенциональности" дипломатии коммунистов, связывают их с традиционными целями бывших империй – и отвлекают внимание от глобальных целей политики коммунизма, побуждают Запад вести политику по джентльменским канонам XIX века – вместо того, чтобы взять дубинку шерифа, как и подобает, когда имеешь дело с бандитами.

Не менее важно и другое. Ни в 50-е годы, ни позже СССР не мог позволить себе такие затраты, каких требует индустриализация и модер-

низация КНР. Суммы это астрономические. Почему же не перекачать их из "буржуазных" банков в "народную экономику"? Да и тех технологий, какие сегодня усиленно гонят в Красный Китай Западная Европа, США и Япония, СССР дать не в состоянии. Понятно, что красный Китай никогда не получил бы такой помощи, если бы не "ссора" его с СССР.

Сочетание коммунистической идеологии и современной технологии породило страшную угрозу для цивилизации, поставило ее перед выбором: легкая дорога в тупик или тернистый путь к свободе. Шансы на мировую победу коммунизма возрастут во много раз, если красный Китай приобретет огромный технический потенциал. По законам, присущим тоталитарным системам, этот потенциал будет направлен прежде всего на развитие внутреннего и внешнего аппарата подавления.

Блажен, кто верует, что агрессивные устремления коммунистического Китая будут обращены на Север. Нам же представляется безусловным, что возросший военно-технический потенциал хотя бы для начала будет использован для подчинения слабых некоммунистических соседей, расположенных в Юго-Восточной Азии – как путем давления и инфильтрации, так и с помощью прямых военных действий.

Западу стоит помнить, что умный не совершает одну ошибку дважды. Индустриализация СССР, экономическая помощь и кредиты в эпоху "детанта" и их последствия должны были бы сделать сегодняшние поставки красному Китаю немислимыми. Но трудно подозревать западных политиков в том, что они *мыслят*, когда речь идет об их отношениях с коммунизмом.

Н. НЕФЕДОВ

ПРОНИКНОВЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПРОВОКАТОРОВ И ШПИОНОВ В ЭМИГРАНТСКУЮ ПРЕССУ

Мне уже довелось писать в "Голосе Зарубежья" (№19) о проникновении совпатриотов и прямых провокаторов, агентов КГБ, в русские эмигрантские газеты и журналы. Эти провокаторы пытаются под видом защитников национальной России навязать мнение, что цели советских правителей совпадают с целями русских патриотов, ибо, видите ли, происходит эволюция большевизма, коммунисты уже не у власти, а раз так, то не следует выступать

против советского правительства.

Это "русское национальное блюдо" приготовлено для русских, а для иностранцев – уже другое, более для них приемлемое, под марксистским соусом. Прибывшие на Запад разные советские профессора и историки тоже, по одним им ведомым путям, легко проникают во французскую, американскую, немецкую и др. прессу и остервенело доказывают наивным, абсолютным профанам в русских делах иностран-

ранцам, что коммунистический режим, советская власть, приняты русскими с удовлетворением и потому нет нужды затрудняться искать среди них противников коммунизма, а следовательно, — и союзников свободного мира. Так, например, известный русофоб и противник изменения большевистского строя в России, А. Зиновьев, в своей книге "Мы и Запад" отмечает: "Отождествление смысла слов "советский" и "русский" выражает лишь историческую справедливость". Это, конечно, не открытие тов. Зиновьева, а открытие Ленина и Сталина, он только повторяет их слова. Во всяком случае, мы считаем, что будет исторически справедливо считать, что советский профессор не русской национальности, а — советской. Впрочем, и до этого заявления русские Зиновьева русским не считали.

Однако одним проталкиванием своих статей в свободную прессу советская пропаганда не довольствуется. Органы НКВД-МВД-КГБ неоднократно приступали к изданию своих органов печати, сотрудниками и редакторами которых являются замаскированные под врагов коммунизма матерые советские шпионы и провокаторы. Такие журналы иногда выходят годами, и редко кому придет в голову, что издаются они на советские деньги. Чтобы не быть голословным, я расскажу про выходивший в начале пятидесятых годов журнал "Новый Колокол", история которого, точнее — история его редактора майора Денисова, довольно интересна и поучительна.

В начале пятидесятых годов я приехал из Лондона в Гамбург и как-то, зайдя в русскую библиотеку — в то время место встреч гамбургской эмиграции, — познакомился с неким Е., новым эмигрантом из бывших советских военнопленных, которому посчастливилось избежать насильственной репатриации. Замечу, что в то время не было понятия — 1-ая и 2-ая эмиграция и русская эмиграция разделялась на новую и старую. К старой причислялись покинувшие Россию во время гражданской войны, а к новой — очутившиеся на Западе в ходе 2-ой мировой войны бывшие советские граждане. Позднее появились еще и "новейшие" — это советские военнослужащие, бежавшие уже после капитуляции Германии из находившихся в Восточной Германии и Австрии частей Красной армии. Таких "новейших" к тому времени в Германии насчитывалось несколько сотен, и они имели свою организацию в Мюнхене. К таким "новейшим" принадлежал и майор Денисов.

Мой новый знакомый Е., узнав, что я при-

ехал из Лондона, спросил меня, не мог бы я дать ему адреса проживающих в Англии русских и не встречал ли я там бывших советских офицеров. На мой вопрос, для чего ему нужны их адреса, Е. вручил мне несколько номеров "Нового Колокола", до того мне неизвестного, и сказал, что он является его сотрудником и собирает адреса русских, чтобы послать им на пробу один-другой номер "Нового Колокола" и заручиться их подпиской. Я ответил, что в Лондоне я знаком только с двумя русскими, но и их адресов не дам, так как придерживаюсь французского правила, по которому в адресном столе выдается адрес разыскиваемого только после того, как от него на это будет получено согласие*.

— Ну, напишите им, пожалуйста, и спросите, — сказал Е. и пояснил, что "Новый Колокол" издает недавно бежавший из Красной армии майор Денисов. Он, мол, бежал на Запад, чтобы активно бороться против коммунизма. После проведенного британской разведкой так называемого скрининга (просеивания) он, как тогда было принято говорить, был передан на германскую экономику и вот теперь издает журнал, которые все русские должны поддерживать, и т.д.

Позднее мне рассказали, что Е. был в красной армии лейтенантом, но скорее всего он был политруком, ибо уж очень он был левой ориентации, сотрудничал не только в "Новом Колоколе", но и в выходившем тогда в Нью-Йорке органе меньшевиков и социал-революционеров "Социалистическом Вестнике". Е. собирался эмигрировать в США, но так как выяснилось, что он раньше был членом коммунистической партии, то ему американцы в эмиграции отказали. В Гамбурге Е. обязательно появлялся на всех собраниях, распространял "Новый Колокол", разные брошюры и т.д., за что его и прозвали "Лениным в октябре" (был такой советский фильм, где Ленин изображен все время суевившимся и бегающим из одного места в другое). Так вот, Е. стал забегать и ко мне, снабжая меня новостями и "Новым Колоколом".

При чтении этого "Колокола" никак нельзя было понять, какого же направления придерживается этот новый политический журнал. Один номер заполнен весьма нелестными высказываниями в адрес социалистов и солидаристов, и рядом помещены портреты русских царей — Петра Великого, Александра Второго,

* Как выяснилось позднее, адреса собирались для картотеки КГБ.

Александра Третьего и Николая Второго. Но портреты портретами, а в то же время монархисты — самодержавные, конституционные и народные монархисты Ивана Солоневича — наделялись оскорбительными эпитетами и подвергались беспощадной критике за их политическую деятельность, которая, мол, вредит России. В других номерах — портреты вождей Белого Движения: ген. Корнилова, адм. Колчака и др.; а белогвардейские организации — РОВС, объединения дроздовцев, марковцев, кадетских корпусов — разносятся в пух и прах. Бесцеремонно предъявляются им обвинения, что они предали и выдали большевикам ген. Кутепова, ген. Миллера. Заодно достается и власовцам как предателям родины, "немецким прислужникам" и т.д. А лейтмотивом "Колокола" была песенка, — тогда еще новая*, а теперь уже успевшая изрядно набить оскомину, — что идет в России неуклонно перерождение коммунизма, советской власти во власть "русскую", — только нужно немного обождать. И сидят уже и в правительстве, и в самом МГБ "наши, нужные России люди". Вот, точь-в-точь, как пишет некий г. В. Криворотов в газете "Русская Жизнь" (от 1 апреля с.г.), и пишет заглавными буквами: "ОБ ОДРЯХЛЕНИИ ИДЕОЛОГИИ МАРКСИЗМА-КОММУНИЗМА ГОВОРЯТ ВСЕ ВЫХОДЦЫ ИЗ СССР и пишут в книгах и в дневной печати об этом..." И так, в дневной — не в ночной печати. И дальше, продолжает Криворотов: "На наших глазах это КГБ преследует на самом деле больше те элементы, о которых писатель Климов писал, как об Иродовой закваске, дрожжах анархии, нигилизма и революции", чем первых националистов".

Вот как приятно стало жить в Сов. Союзе! Правый Огурцов уже сидит второй десяток лет и вряд ли выпустят его живым, а с ним сидят и тысячи его единомышленников, а криворотовы нас заверяют, что националистов не преследуют. Но спросим: сколько бы часов (или минут) оставался бы подсоветский человек на свободе, если бы вздумал вывесить в окне русский трехцветный флажок и заявил, что не признает интернациональный красный, а признает национальный русский? На каком острове архипелага ГУЛАГ или в какой психушке оказался бы такой правый националист после издевательств и избиений органами "нашего" КГБ?

Именно так об одряхлении идеологии

марксизма и возрождения национализма" писалось и в "Новом Колоколе". Слово "родина" обязательно писалось на советский манер, с большой буквы — Р о д и н а! Но несмотря на все заявления майора Денисова и его сотрудников о беспредельной любви к великой родине с большой буквы, о возрождении России, об объединении всех русских в один российский монолит, было ясно, что цель "Нового Колокола" не объединить, а наоборот — перессорить всю российскую эмиграцию при помощи дискриминации любой эмигрантской антисоветской организации.

Так или иначе, но вряд ли кому-нибудь тогда пришло в голову, что Денисов является отпетым чекистом. Насколько он был ловкачем, можно судить и по тому, что, будучи, несомненно, атеистом, он сумел влезть в доверие духовенства и стал старостой в русской церкви в Бремене. В церкви, конечно, работать по линии шпионажа очень удобно, все списки эмигрантов на лицо, на каждого можно написать характеристику о его связях и т.д. А заодно майор-чекист женился в той же церкви на немке.

Идет время, староста Денисов по воскресеньям продает в церкви свечи, а в другие дни сидит за машинкой и сочиняет статьи, разоблачающие русские организации и русскую прессу, заявляющие, что все они продались американцам и работают во вред "возрождающейся России", т.е. о том, что мы можем прочитать и сегодня в некоторых русских или псевдо-русских журналах.

Трудно сказать, как долго бы мучил людей своим "Новым Колоколом" майор Денисов, — может быть, выходил бы его журнал и по сегодняшнему дню, если бы не один непредвиденный случай. Как-то во время проверки паспортов в поезде, прибывшем из Берлина на пограничный пункт Западной Германии, немецкий полицейский чиновник, рассматривая паспорт пассажира, задал ему несколько вопросов, хотя обычно такие вопросы не задаются. После двух-трех вопросов, чиновнику показалось странным, что в то время как в паспорте пассажира стояло, что он родился в Берлине, он говорит не только без свойственного каждому берлинцу особого берлинского акцента, но даже с легким, определенно славянским акцентом. Еще вопрос-другой — и чиновнику стало ясно, что перед ним не немец, а поляк, чех или серб. То, что он — русский, в голову не могло придти. "Берлинца" вежливо попросили в эмиграционный отдел. Скоро все выяснилось. Чемоданы "берлинца" оказались с двойным

* Особенно новой она не была уже и тогда — вспомним младороссов! (Прим. ред.)

дном, а в них была обнаружена громадная сумка (несколько сот тысяч) немецких марок, тексты коммунистической пропаганды на немецком языке для печатания ленточек и брошюр, списки немецких агентов, русских эмигрантов, шифры и т.д. Словом полный шпионский арсенал. Нужно ли добавлять, что обладателем фальшивого немецкого паспорта являлся советский шпион, провокатор и издатель "русского патристического журнала", майор Денисов. Скорее всего, Денисов тоже не настоящее его имя. В конце концов, Денисов, как говорится, раскололся и даже сообщил, что он женат и имеет детей в СССР, а здесь уже женился второй раз.

Обо всем этом было широко опубликовано в немецкой прессе. Как шпион, помнится, Денисов получил пять лет тюремного заключения, но через три года был выпущен и отправлен на родину, советскую Родину, с большой буквы, обязательно. Провожать Денисова при-

были многочисленные немецкие корреспонденты, жадные до сенсации. Дело в том, что его вторая, немецкая, жена решила ехать в СССР вместе со своим бигамистом. На вопрос корреспондентов, что ее толкает на такой шаг, ибо ей же известно, что Денисова в СССР ждет жена с детьми, а раз так, то как же она мечтает о дальнейшей жизни с ним, — немка ответила, что ей все равно, она его любит и жить без него не может и т.д. Так шпион Денисов со второй женой уехал под прощальные приветствия корреспондентов и... немецкой администрации.

Сколько после Денисова КГБ забросило еще на Запад провокаторов под видом не поддавшихся с советской властью разных "профессоров, публицистов, литераторов", чтобы дезинформировать свободный мир о сущности интернациональных коммунистических целей советских правителей? И сколько еще будет издаваться "русских" журналов на советские деньги?

В. ШАПИЛЬ

ОЦЕНИ ДОРОГУ СВОЮ!

*Не до шапок, и не до шуток
Павшим в бою.
Посчитай, и цифирью жуткой
Оцени дорогу свою!*

В. БЕТАКИ ("Опричина")

Родина где-то далеко, но она и близко; да она внутри тебя и в то же время почти недостижима. Вновь и вновь проверяешь себя: может, не нужно было делать последнего шага, может, надо было оставаться дома и не ждать помощи извне, а самому наводить в нем порядок? Все ли возможности были исчерпаны? Все! Так ли? Ну, а если уже здесь, то что могу, что я должен делать для моего народа, для моей родины? Много подобных вопросов роятся и не только в моей голове свежее испеченного беженца. Пытаешься найти ответы. Ищешь их в опыте других эмигрантов, ищешь и в эмигрантской прессе и не находишь, а только диву даешься. Что же, и здесь игра в разрядку?

"Бдительность ... Как ни странно, но этой болезнью, принесшей столько горя нашему народу, страдают и многие эмигрантские деятели, причем давно — с появления на Западе первых беженцев из России"¹, — утверждает ежемесячный общественно-политический журнал

"Посев". Оказывается, горе нашему народу принесли не марксисты-большевики, а бдительность. Ее-то как раз катастрофически не хватало и до 17 года, и после, когда еще можно было остановить наступление безбожной власти. Надежда на русское "авось" трансформировалась в "авось сегодня не меня".

"Но главное — ждали тюрьма и остроги
Лучших из лучших бойцов,
Тех, кто принес в Россию
Германских градов ключи.
Они — опасная сила...
Так опричина их и скосила,
Недоверию не научив...
А ты и опричником верил,
Ты жил с незапертой дверью,
А за тобою — облава,
Как за лесною тварью,
И досталась военная слава
Лишь великому государю...
Не враги, а свои скосили.
И сыну некуда деться,
А он-то еще: "спасибо, —
За счастливое наше детство!"²

Вряд ли припас русский народ свою бдительность на завтра. Призывать же эмигрантов

к отказу от бдительности, мягко говоря, безответственно. Горький опыт доказывал неоднократно именно недостаточность бдительности русской эмиграции, ее склонность принимать на веру даже самые мифические слухи, долетающие с родины. Но зачастую за слухами скрывалась очередная провокация кагебешников.

Еще в первые годы советской власти ГПУ, не овладевшее большими средствами и силами, сумело выполнить ряд провокаций против эмиграции, из которых наиболее крупной была операция "Трест". До сих пор органы гордятся ею, и даже был выпущен фильм "Операция Трест". Не знаю, насколько он достоверен, но на протяжении всего фильма "мудрые" чекисты психологически тонко вчистую обыгрывают эмиграцию; эмигранты же легковверны и если обладают некоторой долей подозрительности, то, во всяком случае, не бдительностью.

Особенно внимательно нужно подходить к другой провокации, рассчитанной на многие годы, сформировавшейся как "младоросское движение". Очень полезна и своевременна статья В. Пирожковой "Искушение националистов и государственников", в которой достаточно подробно рассказывается об этом движении и его перерождении в попутчиков советской власти, в подручных коммунистов Москвы. Не будем пересказывать содержание статьи — каждый, кому не безразлична судьба Родины, просто обязан прочесть ее в №11 "Голоса Зарубежья", — позволим себе лишь привести вот эти важные, по-нашему мнению, строки: "Нам могут возразить: да, тогда, в 1934-1935 гг., было преждевременно говорить о перерождении советского правительства в русское. Но ведь времена меняются. Теперь это своевременно. На это мы возразим, что тысячи обманутых эмигрантов, — ведь подавляющее большинство младороссов были искренними патриотами, обманутыми Казем-Бекем и другими несколькими советскими агентами, — верили, что именно тогда такие утверждения были своевременными. Теперь, оглядываясь назад, ума не приложишь, как они могли в это верить. Но они верили. Так и теперь. Может быть, через 20-30 лет наши потомки ума не приложат, как некоторые эмигранты могли теперь верить в нарастание истинной русскости в современном коммунистическом аппарате Сов. Союза"³.

Может быть, это тоже "болезнь бдительности", по мнению редакции журнала "Посев"? Да ведь вновь эмиграция и, конечно, Запад, закрыв глаза на происходящие события в мире,

идут навстречу подброшенной, но явно подмоченной идейке; что неославянство уже в настоящее время является идеологическим преемником коммунистической власти в СССР. Вот уж неметается, вопреки очевидному, одним видеть уже воскресшую и свободную от политической заразы Россию, а другим — обелить марксизм-ленинизм и подсовывать его с якобы человеческого лицом для употребления в другие, еще не захваченные коммунизмом страны. Коммунизм, под каким бы соусом он ни подавался и как бы ни украшался, — ядовитая пища и может быть смертельной для всех народов и рас. И сто раз прав А.И. Солженицын, который с горечью и разочарованием вновь предупреждает, что "сейчас коммунистическая верхушка со своей одряхлевшей идеологией снова мечтает оседлать русский национализм для своих имперских целей — а такие западные руки толкают коня под всадника — под всадника против себя самих! — не оставляя коню никакого другого выхода, никакой надежды."⁴

В создавшихся условиях по призыву журнала "Посев" нужно отказаться от бдительности? Может, в СССР КГБ перестало существовать, а кагебешники ушли на пенсию и горючими слезами заливаются, вспоминая о своих жертвах? Ничего подобного. Нынешние органы имеют неизмеримо больший опыт, чем в 20-30 годах, на службе у них самая современная техника, в том числе и западноевропейская, и американская. К их услугам различные специалисты и ученые, все способы пропаганды и дезинформации. Они имеют колоссальную информацию о русской эмиграции и почти исчерпывающую о третьей волне эмиграции; ведь последняя проходит под их неусыпным оком. Изменяются и методы работы КГБ. Теперь у них более разнообразный выбор провокаций, от грубой до самой изощренной, и совершенно необязательно засылать кагебешника или требовать расписку от эмигранта в сотрудничестве с ними. Вероятно, если смотреть глазами НТС, что революционер — это "тот, кто считает бессмысленным вымаливание побрякушек у олигархической диктатуры и понимает, что права и свободы не дают, а берут, кто не принимает ленинского догмата "марксистское учение всесильно, потому, что оно верно..."⁵, то здесь особой бдительности не требуется. Так почему же появилась сама мысль отказа от бдительности? Скорее всего, здесь не последнюю роль сыграла нереальная информация о жизни в СССР, охотно распространяемая некоторыми диссидентами, их непонимание насущных

требований народа и их оторванность от него. Так только улыбку властей и недоумение, в лучшем случае, у человека, живущего там, может вызвать примерный перечень действий против советской власти, рекомендуемый стратегической комиссией Совета НТС. Полное отсутствие реальности, прямо катастрофическое непонимание жизни в стране. Чтобы не быть голословными, разберем несколько таких советов: не ходить на собрания (как правило все собрания проходят в рабочее время и неявка на него будет расцениваться как прогул со всеми вытекающими последствиями; есть и другая уловка — проводить собрания на рабочих местах — ходить никуда не надо — В.Ш.), а если пошел — не выступать (очень хорошо — собрание пройдет по заранее намеченному плану; очень не любят власти "лишних" выступлений — В.Ш.), не аплодировать (этого и не требуется — В.Ш.), не вставать, когда "все встанут" (сидящего не видно) и т.д.

— Не участвовать ни в каких выборах, а если участвовать, подавать пустой бюллетень. Даже если большое число людей не пойдет на выборы, их, естественно, будут немного уговаривать (уговоры, не заблуждайтесь, по-советски), то официальный процент участия даже на сотую не изменится. Не верите? А совет подавать пустой бюллетень — лучший трудно придумать; ведь в бюллетене все уже написано, только бросай в урну. Очень даже мило, ведь хоть и существуют избирательные кабины, но заходить туда — дурной тон: мало ли что о тебе могут подумать. Может быть, советующих запутали слова, которые иногда печатаются внизу бюллетеня; смысл их таков: оставьте фамилию кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните. Но печатается всего одна фамилия и вычеркивать некого. Даже положим, что вы перечеркнули крест на крест бюллетень или черкнули по фамилии депутата, все равно — вы проголосовали "за". Ведь вы не вычеркнули фамилии, а, может, вы просто подчеркнули? Есть еще много уловок. Кто участвовал в избирательных комиссиях — тот знает. Такова реальность. Накоплен богатейший опыт, которым коммунисты щедро делятся с братскими коммунистическими партиями. О выборах в Польше Хрущев вспоминает: "И когда были эти выборы и Миколайчик получил абсолютное меньшинство, а другие партии — ПОРП и другие партии, которые шли под руководством партии на выборах, — они получили большинство, тогда поляки очень быстро выдумали такую поговорку. Когда объявили результаты выборов, поляки так говорили:

"Цо — то есть за шкатулка (т.е. урны избирательные), цо — то есть за шкатулка, опускаешь Миколайчика в эту шкатулку, а вытаскиваешь Гомулку."⁶ Наверно, достаточно убедительно. То же самое можно сказать и о других рекомендуемых действиях, которые вполне возможны в других странах, но только не в Союзе.

На Западе советские диссиденты — такое предупреждение становится все более актуальным. Боже упаси, чтобы мы их заподозрили в сотрудничестве с КГБ или обвинили их в неискренности, но и невозможно согласиться с определением П.М.Болдырева, утверждающего: "Диссидент — это сливки, квинтэссенция советского образа жизни и мысли, совершеннейший продукт коммунистической системы. И как таковой он самый страшный, смертельный враг этой системы, подлинный антикоммунист, ибо в нем коммунизм, развив все потенции, сам себя отрицает, естественно заканчивает свое бытие."⁷ Что это сливки — с этим можно согласиться; какие сливки? — уже другой вопрос. Но вряд ли с самым страшным и смертельным врагом так нянчились бы советские власти и налаживали бесперебойное снабжение Запада такими "сливками". В самом деле, почему в таком изобилии КГБ отправляет на Запад "совершеннейший продукт коммунистической системы" самых разнообразных окрасок и оттенков? В какой-то мере ответ на этот вопрос дает один из исследователей: "По политическим делам у нас не наказание, а мера социальной защиты, когда мы определяем срок не по делам, а по потенциальной опасности для нас данного человека."⁸

Повальное увлечение борьбой за гражданские права среди диссидентов понятно: кому хочется заниматься черной кропотливой работой, направленной на свержение коммунизма, к тому же страшно и опасно, да и от Запада аплодисментов не дождешься. А здесь ...и "голоса" растрелят, и общественное мнение, естественно, Запада, щекочет самолюбие, а повезет — глядишь, кагебешники предоставят бесплатную путевочку в Вену.

Если принимать борьбу за права человека как тактику в общей стратегии против коммунизма, то это было бы оправданным, но, признавая Ленина, советскую власть, требовать общеизвестных прав в СССР — абсолютное непонимание природы коммунизма.

К мнению бывшего чешского президента Масарика: "Идеализм погубил русскую революцию, идеализм русской демократии, идеа-

лизм революционных российских деятелей”, — сегодня нужно добавить, что идеализм по-прежнему губит и распыляет силы новых преобразований. Как шестьдесят лет с лишним тому назад, в народе говорят: “Интеллигенты ... Мудрят, сами не зная что. Сейчас видно, что между ними нет людей военных”. Совершенно точно подметил А.Федосеев: “С течением времени надежды населения на разумную политику Запада (мы бы еще добавили — и диссидентов — В.Ш.) постепенно испаряются и на их место приходит враждебность и злоба. Появляется злорадное желание: “пусть этим болтунам и “гуманистам” достанется, как следует, по шее, чтобы у них искры из глаз посыпались.”⁹ Видимо, свежая информация борцов за права ввела в заблуждение редакцию журнала “Посев”, утверждающую, что за последние 10—15 лет в СССР стало быстро расти число свободомыслящих, внутренние процессы ускоряются, идут вширь и вглубь, и тот, кто рассматривает нашу страну, основываясь на штампах не только 50-летней, но даже десятилетней давности, не может не ошибаться.

Основываться на штампах любой давности — дело бесполезное. Надо основываться на реальности, а не на фантастических сенсациях и открытиях определенной части эмигрантов. Спору нет, приятно слышать о религиозном возрождении, об изживании коммунизма и о грозном движении инакомыслящих, о свободных профсоюзах и пр. пр. Но надо же смотреть правде в глаза; за этим стоит микроскопическое меньшинство, а порой — просто одиночки, и они до поры до времени устраивают советскую власть. Ведь все эти движения заверяют о своей лояльности режиму; они против применения силы, не поддерживают антикоммунистов и, таким образом, дают властям блестящие возможности использовать их негативно и позитивно на укрепление коммунистической власти, на доказательство жизненности и привлекательности ленинских идей. Плодятся самые различные обращения, декларации и апелляции инакомыслящих в расчете на помощь Запада, от которого ждать помощи безрассудно.

С диссидентами на Запад проникает, так называемая, вторая культура и литература, порожденная советской действительностью. Весьма точно оценивает этот феномен в статье “Инфильтрация семантикой” В.Сидоров: “Поток полуграмотных писателей, которым наградили нас, в придачу к ценным единицам, движение инакомыслящих, осыпает нас, как из рога изобилия, жаргоном хамов и странными

политическими теориями. Пишет каждый кому не лень, и инакомыслящие критики восхваляют заурядных писак как “стихийно талантливых гениев.”¹⁰ Многим из них было невозможно публиковать свои опусы в СССР не по идеологическим причинам, а из-за профессиональной непригодности. Здесь, на Западе, все становятся непременно русскими писателями и поэтами, но их русскость заключается лишь в том, что они пишут на плохом русском языке. Очень в цене те, которые в обилии отливают оплеухи России и заодно глумятся над русским народом. Трудно бороться с этим, и остается надеяться, что мутная пена со временем исчезнет, а останутся по-настоящему талантливые произведения.

Если в литературе требуется хоть минимальная грамотность, да еще опытный редактор может довести произведение до уровня годного к употреблению, то в изобразительном искусстве дела обстоят и того хуже. Каждый, считающий себя художником, видимо, полагает, что профессиональные навыки, элементарная грамота не нужны. Главное, назваться нонконформистом. Здесь нужно бы вернуться к хрущевской оттепели, именно к тому времени, когда уже казалось, что в литературе и искусстве ничего не существует, кроме искусственного воскового цветочка — соцреализма. Как известно, такому цветочку не только не страшны морозы, но и полезны. Вдруг — оттепель: семена, которые так долго лежали в почве, пошли в рост, зазеленела нива и появились настоящие цветы. Но вместе с цветами уже в изобилии проросли сорняки и чертополохи. “Боялись того, что народ, что руководство не сможет справиться со своими функциями и не сможет руководить и направлять это по советскому руслу, которое бы вызвало творческие силы, но чтобы произведения этих творческих сил содействовали укреплению социализма”¹¹ — так вспоминает об оттепели ее зачинщик Никита Хрущев. Как бы власти ни боялись, но им пришлось столкнуться с реальностью; в реальности уже вырисовывалась некая, довольно уродливая, фигура двуликого Януса, и с ним нужно было справляться и направлять по советскому руслу. Пришлось властям пойти на более гибкое и широкое толкование метода социалистического реализма. Часть художников почти безболезненно была принята как “блудный сын”. Попутно были сняты несправедливые обвинения и обидные ярлыки, которые с такой легкостью раздавали люди от искусства наиболее талантливым художникам 30—50 гг. Прошло это как-то неза-

метно; появились выставки, журнальные статьи и солидные монографии, где те же люди и новое поколение советских искусствоведов расхваливали на все лады художников, бывших в опале, естественно, о самой опале стыдливо умалчивается или говорится маловразумительными намеками. Происходит своеобразная по-смертная реабилитация художников, покинувших в свое время родину: Добужинского, Бакста, Бенуа, Сомова, Ле Кампиона и многих других. Другую часть власти принимали как неизбежное зло, с большим скрипом, применяя то кнут, то пряник, то продолжительные заморозки.

Русский народ всегда видел в художнике носителя идей, да и русского художника не удовлетворяет искусство — как самоцель; ему вечно нужно нечто большее, общенародное, глобальное, космическое. Заметно также стремление части художников уйти в ту область, которой не коснулась или до которой не может дотянуться коммунистическая идеология: вырабатывается свой эзопов язык, понятный их единомышленникам и сочувствующим. Власть смотрит на это пока сквозь пальцы, несмотря на доносы "доброхотов", не сажает, чувствуя свою силу и имея возможность свести такое явление на нет. В 70-х годах появляется новая волна молодых художников, но она уже находится под пристальным вниманием Министерства культуры и других идеологических организаций. Главная задача — не дать возникнуть неофициальной сильной организации — была решена: часть художников оказалась в Горкоме художников, некоторые — уехали по израильским визам на Запад, другие были приняты в молодежную секцию, а наиболее одаренные — в Союз Художников СССР. Любопытно услышать характеристику "неконформистов" от одного из активных представителей этого движения, ныне проживающего на Западе, М.Шемякина: "С моим выездом в России не осталось художников. Все движение так называемых художников — не больше, чем скопище бузотеров". Правда, с его выездом художников в России не убавилось, ведь кому-кому, а России талантов не занимать, но относительно второй части своего высказывания он почти прав, за некоторым исключением. Конечно, и из этого движения выросли несомненно талантливые художники. Своеобразен случай художника И.Глазунова. В 70-х годах выставка его картин открылась в Ленинградском окружном доме офицеров. Художественный уровень представленных работ был плачевный, но зато в изобилии были пред-

ставлены фотографии: И.Глазунов с прочими известностями мира. Спустя некоторое время Глазунов получает звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Звания заслуженного художника тогда ему получить не удалось. В дальнейшем его деятельность, в основном, была направлена за границу, но, будучи человеком опытным и знающим порядки, царящие в СССР, он задолго начал подготовку к своему пятидесятилетию. Уже выдавшие виды маститые художники, после присвоения Глазунову очередного звания, только разводили руками и говорили, что, видимо, он исполнит свою угрозу и станет Президентом Академии Художеств. Последние слухи с родины, что он метит уже на место министра культуры.

Но вернемся к последнему наступлению Глазунова на культуру и русское искусство. Поездки за рубеж не прошли бесследно, и известный "спектакль" с картиной "Мистерия XX века" сделал свое: о нем заговорила зарубежная печать, и журналы русской эмиграции также клюнули на приманку: "... без имени Глазунова история русской живописи второй половины XX века немыслима" и т.д. Правда, причем тут русская живопись — понять трудно, да и история из другой области. Началось победное шествие Глазунова: состоялись шумные, хорошо организованные, грандиозные выставки в Москве и Ленинграде. Вот как пишет о своем посещении выставки в Москве о.Дмитрий Дудко: "Помню, когда я, побывав на выставке в Манеже, решил писать о нем статью, ко мне подошли некоторые люди и спросили: — Вы будете писать о Глазунове? Я в свою очередь спросил у них: — Откуда вы знаете? — Ну это не секрет, — улыбнулись они. В самом деле, откуда знают? — для меня загадка, так как я мало с кем беседовал. Потом они продолжали: — Знаете, он же бездарный, это игра на русской теме. — Разве вы не знаете, что он — сотрудник КГБ? Я односложно сказал: — А знаете, мне его картины нравятся. А чем вы можете доказать, что он сотрудник? — Ну, так все говорят... И я понял (нам кажется, ничего не понял, если уж и понял, то только после своего известного покаяния — В.Ш.) , что опорочить могут любого человека, но я как священник должен понять и полюбить всякого человека, мне должен быть дорог всякий проблеск добра, поэтому должен писать о Глазунове, открыто заговорившем о России, ее трагедии и ее проблемах..."¹² Можно предположить, что статья о.Дудко, восхваляющая Глазунова, предназначалась для русской эмиграции. Иначе перед кем же возникла его радостная мысль —

“Глазунова надо поддержать”, когда Глазунова и так поддерживают сильные руки? Никак не может понять о.Дудко, почему мы разделяемся и не хотим жить вместе, и закономерный результат — его покаяние — “гнусное и провокационное заявление” (так назвал его Ю.Белов, приписывая авторство КГБ). Вот и В.Капитанчук полностью признал себя виноватым, выразил глубокое раскаяние и обещал заглазить свою вину (Русская Мысль №3330) и очень положительно отозвался об условиях содержания в Лефортовской кагебешной тюрьме. Уж не приглашение ли это эмигрантам? Правда, большее восхищение о.Дудко вызвал у людей на Западе, а каково тем, кто там пошел за этим маяком? Ждите, ждите, а пока Вам подсовывают Глазунова. Может, примем его в новые Казем-Беки?

Можно понять эмигранта, который все же надеется на перемены к лучшему в бывшей России и клюет на любую приманку, и даже когда ее нет, а только голый и ржавый крючок. Уже в 70-х годах коммунисты взяли на вооружение две строчки из четверостишья Ф.И.Тютчева; к месту и нет, твердят по телевидению и радио:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить.

И дальше выливают на слушателя очередную дозу идиотической лжи. На первый взгляд, можно подумать, что, наконец, после стольких лет коммунисты признаются в непонимании России. Это только на первый взгляд. На самом же деле народу вбивается в голову, что не ему понимать политику партии и правительства, — его дело только одобрять ее. Нечего оглядываться на Запад и применять к СССР те же мерки. Что же до остальных двух строчек стихотворения:

У ней особенная статья —

В Россию можно только верить —

их стараются не произносить. Дело до этого дома еще не дошло, но для эмиграции другое дело: ничего не жалко для насаждения нового совпатриотизма вроде прежнего младоросского. В этом плане наступление редакции журнала “Посев” на бдительность эмигрантов неопределенно. Трудно недооценить подарок одного из издательств в Западной Германии, подарившего читателям книгу “Художник и Россия”, содержащую около 3000 тысяч отзывов посетителей выставок картин И.Глазунова. Кому пришла в голову столь блистательная идея? Как были собраны отзывы? Один из членов правления ЛО Союза Художников, известный художник, после обязательного посещения вы-

ставки Глазунова в Манеже рассказывал, что выставка не представляла интереса, но любопытно было взглянуть на книгу отзывов. Его предупредил вопросом дежуривший у двух книг отзывов милиционер: — Вы какой отзыв будете писать: положительный или отрицательный? — Конечно, положительный, — сказал ошарашенный такой постановкой дела художник. — Тогда, пожалуйста, пройдите сюда, к этой книге.

Надо отметить великолепную организацию выставки (такое и не снилось Союзу Художников): был вовремя издан каталог, весь город заклеен рекламными афишами, организованы очереди, специальное распространение билетов, пропаганда по радио и телевидению; киношники так же приложили свои усилия; вероятно, тогда же было запланировано издание книги “Художник и Россия”.

И.Глазунов на протяжении почти 20 лет регулярно посещает Запад, и с каждым годом все успешнее. Не малую пользу в этом приносят открытия, подобные открытиям в статье М.Агурского “Клокочущий вулкан” (“Русская Мысль” №3329, 9.10.1980 г.). На основе якобы тщательного сравнительного анализа советской политической прессы и советской художественной литературы рассказывается о яростной борьбе русской оппозиции в Политбюро и о ястребах и овцах в рядах коммунистов; приписываются газеты каждой из группировок: брежневская “Сельская жизнь”, “Советская Россия” — главный орган русской оппозиции, “Красная Звезда” — орган Устинова и т.д. А почему бы не быть глазуновской “Правде”? Ведь он там опубликовал свою статью 20.09.1980 г.? Нельзя отказать М.Агурскому, его статья читается как приключенческий рассказ, но только выводы ... с таким же успехом могли быть противоположными. Не беда, для коммунистов и так сойдет — видите, там, на Западе, у нас свобода мнений и решений и свобода печати. Ну, что из того, что мы Афганистану помогаем? Виноват один ястреб, а мы кучерявые овечки и будем бороться за мир во всем мире, пока на нем камня на камне не останется. (В народе еще говорят так: “Коммунисты борются за мир ”до последнего патрона”).

Даже Никита Хрущев смотрел на дело реальнее и трезвее. Предоставляем слово Хрущеву: “А сейчас все горе — историки на всех языках лепечут, что Гитлер — мерзавец и что он неожиданно обманул нас и напал на нас. Конечно, это глупый аргумент, потому что я не знаю, на какое понимание, если это серьез-

ные люди, они могут рассчитывать, что Гитлер нас обманул, потому что он ведь, только как пришел к руководству, еще и создал партию, так он написал программную книгу "Майн Кампф", где он главной целью поставил борьбу с коммунизмом и уничтожение Советского Союза."¹³ И делает вывод: "Поэтому не может Гитлер вдруг проснуться когда-то перед тридцать... в тридцать девятом году перед августом... как двадцать третьего августа, когда он Риббентропа послал в Москву, что он вдруг, так сказать, переродился."¹⁴ А Западу, кушающему "сливки" советского производства, и некоторым диссидентам кажется, что вот завтра коммунизм проснется и откажется от уничтожения "буржуазного" мира и, конечно, коммунисты только пугают, говоря, что "за каждую нашу голову мы возьмем по сотне голов буржуазии".

Неужели не слышите? "Вы обвиняетесь по 58 статье Уголовного кодекса Российской Советской Социалистической Республики." Знаете о чем говорится в этой статье? Знаете, кто ее сформулировал?..

— А стоило бы. "В 58 статье говорится о

контрреволюционной деятельности, измене и диверсии, и сформулировал ее сам Владимир Ильич Ленин. ...58 статья распространяется на всех людей во всем мире, слышите — во всем мире! Весь вопрос в том, когда человек попадет к нам или когда мы доберемся до него."¹⁵ Поэтому, как никогда, актуально обвинение редакции "Посев" в бдительности; ведь она как раз виновата, что коммунизм не сожрал остатки свободного мира.

Запомните — 58 статья, а вы куда? Вы тоже по 58, и вы, и вы...

Вена 1980 г. (дополнено в мае 1981 г.)

Р. С. Специально для русских: "Ведь мы же с вами — русские. Вы и мы — это мы! Вы любите Россию, несомненно, мы уважаем вашу любовь — а разве не любим мы? Да разве мы сейчас и не есть крепость и слава России? А вы хотели против нас бороться? Покайтесь!" Не смущайтесь тем, что так коммунисты обращались в 1924 году к Борису Савенкову, они обращаются сегодня и к вам...

(Продолжение см. в последнем абзаце этой статьи. — В. Шапиль)

¹ Журнал "Посев" № 6, июнь 1980 г., стр. 48.

² Бетаки В. Замыкание времени. Париж, 1974 г., стр. 61–62.

³ Пирожкова В. Искушение националистов и государственников. "Голос Зарубежья" № 11, 1978 г., стр. 11.

⁴ Солженицын А. Коммунизм: у всех на виду — и не понят. "Русская Мысль", № 3296, 21 февраля 1980 г., стр. 3.

⁵ Стратегические проблемы освободительной борьбы. Издано Народно-Трудовым Союзом. 1972 г., стр. 56–57. Ведь считать, понимать и не принимать — еще не означает действовать.

⁶ Хрущев. Воспоминания. Составитель В. Чалидзе. Нью-Йорк, 1979 г., стр. 64.

⁷ Болдырев П. М. Письмо в редакцию. "Голос Зарубежья" № 9, 1978 г., стр. 20.

⁸ Машков Ю. Непрочитанное показание. "Голос Зарубежья" № 7, 1977 г., стр. 26–27.

⁹ Федосеев А. П. "Совершенное" против "Несовершенного". "Голос Зарубежья" № 9, стр. 6.

¹⁰ Сидоров В. Инфильтрация семантикой. "Голос Зарубежья" № 14, 1979 г., стр. 16.

¹¹ Хрущев Н. Воспоминания. Составитель В. Чалидзе. Нью-Йорк, 1979 г., стр. 276.

¹² Дудко Д. Бессонные ночи. Журнал "Посев" № 6, июнь 1980 г., стр. 48–49. (Для меня не было загадки, когда ко мне еще на Глазуновской выставке в Доме офицеров подходили некоторые люди, знаете ли, такие плотненькие и все на одно лицо. Тогда они молча отгирляли меня от моих друзей, услышав мое мнение о работах Глазунова.)

¹³ Хрущев Н. Воспоминания. Составитель В. Чалидзе. Нью-Йорк, 1979 г., стр. 35–36.

¹⁴ Там же, стр. 37.

¹⁵ Бегин М. В белые ночи. Тель-Авив, 1978 г. (Из диалога между М. Бегиним и его следователем-коммунистом).

В. КОБЫЛИН

ДОЛГ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Русское Зарубежье делится на две части: на русских людей, попавших за границу при тех или других обстоятельствах и называющих себя "беженцами", и на политических эмигрантов, которые ушли из России, не признав коммунистического режима, и которые продолжали бороться против поработителей словом,

изобличая ненавистный режим и сохраняя традиции русской культуры за рубежом. Приблизительно так же продолжало ту же линию поведения и поколение, выросшее уже в эмиграции, и вторая эмиграция, попавшая за границу в период второй мировой войны.

Хранить русскую культуру — это значит

поддерживать все начинания, связанные с наукой, искусством, религией, поддерживать учебные заведения и издание книг и периодической печати.

В начале двадцатых годов в Праге был основан Русский Архив, который просуществовал до начала 1945 года, когда советские войска заняли Чехословакию. Русский Архив, который был явно антикоммунистического характера, прекратил свое существование. Куратором Пражского Русского Архива был Лев Флорианович Магеровский, человек большой культуры и редкой работоспособности.

Когда центром русской эмиграции после второй мировой войны оказались Соединенные Штаты Америки, все устремились за океан, чтобы устроить и свою личную судьбу, и продолжать культурные традиции русской эмиграции.

В 1951 году президентом Колумбийского Университета в Нью-Йорке был генерал Айзенхауэр, который уже в следующем году стал президентом Соединенных Штатов.

В то время, когда он возглавлял Колумбийский Университет, произошло основание Русского Архива при Колумбийском Университете. Фактическими основателями этого Архива, тоже антикоммунистического, были ген. Айзенхауэр, Б.А. Бахметев, проф. Ф.А.Мозли (большой друг и почитатель русской культуры) и Л.Ф. Магеровский. Ген. Айзенхауэр предоставил Архиву приют в стенах Колумбийского Университета, Б.А. Бахметев — денежную помощь, проф. Мозли и Л. Магеровский должны были обеспечить Архиву поддержку и доверие эмиграции в Старом и Новом Свете. Был создан Эмигрантский Попечительный Комитет, куда вошли — Председатель проф. М. Карпович, члены: И. А. Бунин, А.Л.Толстая, В.А. Маклаков, М.А. Алданов и Б.И. Николаевский. Вся организация осуществлялась на основе джентльменского (неписанного) соглашения о том, что русская эмиграция в лице попечительного к—та и Колумбийский Университет являются равными партнерами и никакие серьезные мероприятия не могут иметь место без предварительной консультации обоих партнеров. С самого начала Л. Магеровский стал фактическим представителем эмиграции, имея связи со всеми секторами эмиграции, и все шло через него. Сотрудничество с проф. Ф.Мозли было исключительно плодотворным. Архив при Колумбийском Университете пользовался полным доверием во всех концах свободного мира, и материалы годами шли бурным потоком в фонды Архива. При крайне ограничен-

ном бюджете Архива, этот поток материалов мог быть обработан только при жертвенном содействии сына Л.Магеровского, который помогал ему со студенческих лет.

Сын Л.Магеровского — Евгений Львович Магеровский — окончил Колумбийский Университет с дипломом доктора историко-политических наук и специализировался по Восточной Европе. Его докторская диссертация о Наркоминделе (1917—1946 г.г.) заставила его проработать ряд лет во всех больших архивах Европы, и он из года в год приобретал исключительные архивные знания. Кроме того, идя одновременно по военной линии, он стал полковником генер. штаба американской Армии (в запасе). В настоящее время он — профессор Georgetown University /Washington D.C./ и со-director of Russian Studies того же университета.

Проф. Ф. Мозли полагал совершенно естественным, что Л. Магеровский — пожизненный куратор Архива — передаст все свои знания и особые методы работы в антикоммунистическом архиве своему сыну, который будет таким же компетентным куратором и обеспечит дальнейшее развитие Архива на основе полного доверия эмиграции. Так же думали и ведущие организации эмиграции.

После смерти проф. Ф.Мозли и появления "детанта" в определенных кругах было решено устранить пожизненного куратора — основателя Л. Магеровского, захватить Архив и поставить Зарубежье перед совершившимся фактом в расчете, что эмиграция промолчит и неожиданную перемену безропотно примет к сведению.

4 мая 1977 года Л.Магеровский был внезапно устранен, а Архив перемещен (без контроля куратора) из одного здания в другое. Архив был лишен своего самостоятельного помещения и стал частью общей библиотеки.

Агенты К.Г.Б. постарались использовать создавшееся положение, чтобы свести на нет дальнейшее систематическое собирание материалов об антибольшевистской борьбе, необходимых для исторических исследований. Приток материалов после устранения Л. Магеровского приостановился.

С 4 мая 1977 года начинается борьба эмиграции за возвращение Архива в компетентные русские руки и воссоздание Эмигрантского Попечительного Комитета. И очень многие по карьерным соображениям, из-за руссофобского отношения к русскому культурному началу, а иногда из-за безразличия ко всему, упорно стараются всеми способами эту борь-

бу прекратить.

Задача русской эмиграции теперь заключается в том, чтобы направлять свои письма, как частных лиц, так и организаций, в Колумбийский Университет с протестом против того, что сделано с Архивом и требованием передачи Архива, как было раньше, в управление русскими людьми, то есть в данном случае редкому специалисту и знатоку архивного дела Л. Магеровскому и его сыну Е. Магеровскому, молодому ученому с научной степенью и большим опытом в этой области.

Уже много было сделано обращений по адресу возглавления Колумбийского Университета, но пока что без видимых результатов. Предполагается все же, что чем больше будет отправлено протестов, тем скорее будет вынесено решение о передаче Архива в русские руки. Наш долг, долг русского Зарубежья,

заключается во всемерной поддержке этой борьбы русского культурного начинания с явными руссофобами и сторонниками гибельного "детанта", нужного тем, кто хочет уничтожить антикоммунистические начинания. Со своей стороны могу добавить, что я знаю лично Льва Флориановича Магеровского и его сына Евгения Львовича 35 лет и могу сказать, что и отец и сын Магеровские представляют собой уже теперь редких эрудитов, на редкость работоспособных, больших патриотов и бескомпромиссных антикоммунистов.

Поможем же большому русскому делу и включимся в борьбу за восстановление Русского Архива.

Адрес Колумбийского Университета: Columbia University, 535 W 114 Street New York, N. Y. 10027 USA.

А. ОПУЛЬСКИЙ

ОБ ОДНОЙ ПОВЕСТИ И О РЕЦЕНЗИИ НА НЕЕ

В январском номере журнала "Посев" напечатана рецензия А. Бахраха на повесть В. Катаева "Уже написан Вертер".

Рецензия поразила меня своей расплывчатостью, отсутствием четкого отношения и к рецензируемому произведению, и к его автору вообще. Пожалуй, только заглавие рецензии — "Воскресший Катаев" — позволяет понять точку зрения А. Бахраха недвусмысленно: талантливый Катаев, уже в 20-ые годы выдвинувшийся в первые ряды советской литературы, впоследствии умер как писатель и воскрес благодаря созданию повести "Уже написан Вертер".

Мне сразу же захотелось написать в редакцию, что эта точка зрения не имеет ничего общего с истиной. Укрепило меня в моем желании опубликованное в следующем номере журнала письмо одного из читателей (из Советского Союза), г-на Н. А., и особенно примечание редакции к этому письму, где рецензия А. Бахраха рекомендуется.

Письмо г-на Н. А. показывает, как страстно ждут подсоветские читатели "Посева" честных и квалифицированных объяснений литературных явлений современности. Журнал просто не имеет права предлагать им статьи с объяснениями, менее глубокими, чем понимание самих читателей. А из письма г-на Н. А. явствует, что перед нами именно такой случай.

Посмотрите, как умно объясняет г-н Н. А., зачем советская власть допускает произведения, подобные повести В. Катаева, как удачно он сопоставляет эту повесть с пьесой В. Розова "Гнездо глухаря", о которой пишет, что "это нечто вроде выхлопного клапана для выхода лишнего пара, чтобы не взорвался котел".

Автор рецензии "Посева", вместо того, чтобы дать четкий литературоведческий анализ и однозначную политическую характеристику повести, добрую половину своей статьи отводит неторопливым рассуждениям в мемуарном стиле о "плеяде одесситов, которая уже в 20-х годах..." и т. д., о том, как В. Катаев в 30-х годах "пришел на помощь опальному Осипу Мандельштаму", о горьковском сравнении Катаева с Гоголем и проч. Все это нагнетает впечатление, что молодой Катаев и Катаев наших лет ("воскресший"!) одно и то же.

Чтобы в этом смысле ни у кого не осталось сомнения, А. Бахрах утверждает, что если бы в наши дни с Катаевым встретился Бунин, то между ними была бы лишь взаимная "симпатия" и не существовало бы "никакого рва".

Чудовищное утверждение, которое можно объяснить лишь тем, что рецензент просто незнаком с предметом своей рецензии! Можно ли так соединить автора "Окаянных дней", не пожелавшего иметь ничего общего с советскими, с автором повествования "За власть

Советов", все силы отдавшим на то, чтобы правдой и неправдой комфортабельнее приспособиться к тем, кто был создателем этих окаянных дней в русской жизни! Того, кто никогда, до последней минуты, не шел ни на какие компромиссы, с тем, чье существование было сплошным компромиссом и кто на восьмом десятке весь свой талант и все свои связи направил на то, чтобы выглядеть в истории литературы привлекательнее, чем он был в жизни!

Столь же неуместно в рецензии сопоставление Катаева с Б. Пастернаком и К. Чуковским. (На этот раз сопоставление не вполне прямое, однако вполне ясное, с названием всех трех фамилий).

Зато вполне удачно привлекает А. Бахрах имя К. Симонова, чтобы его устами похвалить В. Катаева: и тот, кто хвалит, и тот, кого он хвалит, чрезвычайно близки по своему облику, весьма невысокому. Впрочем, эффект от этого сопоставления рецензентом предусмотрен не был.

Читая ту часть рецензии, которая написана непосредственно о самой повести, испытываешь чувство, что рецензент по каким-то причинам не хочет сказать об этой повести главного. Главное же это — пронизывающее всю повесть авторское желание понравиться "либералам" из "Нового мира", где опубликована повесть, и не огорчить "консерваторов" с Новой площади, где находится здание ЦК КПСС.

Подмигнув по-свойски тем, кто по своей инфантильности еще ждет от него какой-то

"романтики", В. Катаев другим глазом косит на начальство, пытаюсь определить, замечен ли его "грозный пафос в накале острой идеологической борьбы".

А. Бахрах видит "мораль повести" в "перманентной борьбе между мудрым Лениным и демоном Троцким, от которого исходит все зло в советском мире". Если рецензент понял эту катаевскую установку, если он согласен с редакцией "Нового мира", что повесть "самым своим острием направлена против врагов революции" и что в ней вина за "искривления и нарушения законности относится в первую очередь за счет врагов ленинизма", то как он мог написать подобную невнятицу?!

Произведения, подобные катаевскому, нужно, непременно нужно рецензировать. Однако это нужно делать — в "Посеве" во всяком случае — так, чтобы г-н Н. А. и его друзья не сомневались, какого рода продукцию они держат в руках и что собой представляют авторы, подобные В. Катаеву.

Можно в голубой юности встречаться с Буниним, а в седой старости жить по соседству с Пастернаком, можно читать гуманиста Гете — и все же не быть на них нисколько похожим, оставаясь Валентином Катаевым, примерным членом союза советских писателей и активным членом коммунистической партии.

А. Опульский,
профессор литературы

Монреаль, Канада

Е. КАРМАЗИН

ЕЩЕ О "ТРЕТЬЕМ ПУТИ" В. БЕЛОЦЕРКОВСКОГО

20 января с.г. в Париже В. Белоцерковский прочитал доклад на тему своей книги "Свобода, власть и собственность"*. Из пространного текста можно, кажется, вывести заключение, что докладчик внес кое-какие изменения в предлагавшуюся им ранее схему. Так, В. Белоцерковский сообщил, что исполнительная власть государства требует высокой квалификации и должна избираться не на производственных и многогранных, а на территориальных (и прямых?) выборах. Кроме того, если раньше докладчик считал необходимым устране-

ние профсоюзов, как играющих "сомнительную" роль, то теперь он превознес Л. Валенсу и В. Клебанова, впервые попытавшегося создать в СССР независимый профсоюз. Однако эти замечания докладчик сделал мельком, не сказав о пересмотре своих прежних взглядов (или сохранении их), почему к этим двум предположительным изменениям приходится отнести как, возможно, к чисто агитационным высказываниям.

Докладчик выступил против национально-религиозной позиции А. Солженицына и его сторонников из-за того, "что она авторитарная", заявив, что сам он стоит за демократию. Однако предлагаемая им система "группового

* См. нашу статью на эту тему в ж-ле "Голос Зарубежья" № 10.

самоуправления” является еще более авторитарной. В самом деле, запрет партий и многостепенные выборы в парламент дают поистине безграничные возможности для манипуляций властью имущих. При выборах администрации по производственному принципу и горлопанам-общественникам гораздо легче давить на избирателей, чем при свободных территориальных выборах. Далее, производственные выборы практически аннулируют муниципальную территориальную активность, дающую столь большие возможности на Западе (кстати, зачастую именно левым). Запрет избрания депутатов на второй срок превратит парламент в неквалифицированное и ничтожное болото. Из всего этого неизбежно вытекает еще худшая — ибо замаскированная и анонимная — олигархическая авторитарная система. Вообще скрытность и лицемерие усиливают систему несвободы. Или, как сказал сам В. Белоцерковский в своей книге: ”зло, доведенное до предела, обладает свойством маскировать и укреплять самое себя”.

Говоря о системе советов, докладчик заметил, что Сталин уничтожил ее, когда ввел прямые территориальные выборы в Верховный Совет. Пародируя высказывание Ленина, что ”коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны”, докладчик иронически определил нынешний ”реальный социализм” как антисоветскую власть плюс алкоголизм всей страны.

По этому вопросу мне кажется правильным совершенно противоположное мнение. Именно ранняя система советов была тоталитарной, т.к. была идеальным способом для ликвидации всякой свободы и демократии. Это было заложено в превозносимой В. Белоцерковским системе выборов — многостепенной и производственной, когда легко устранялись всякие возможности для влияния народа на выборы правительства. Советы явились превосходной основой для установления партократии и для превращения самих себя в декорацию. Это еще раз подтверждает, что теория Белоцерковского есть авторитарный (или тоталитарный) неомарксизм. Заметим, что даже от еврокоммунизма этот ”третий путь” отстает весьма далеко, т.к. еврокоммунисты формально признали многопартийность и прямые выборы в парламент.

Говоря о предложенном им праве решающего голоса для каждого человека (в прежнем варианте представлявшем из себя право на постановку вопроса в печати), В. Белоцерков-

ский определил его как равносильное правам члена парламента. Но поскольку влиянием парламентариев все граждане, естественно, пользоваться не могут, то остается, видимо, лишь голосование в референдуме (что докладчик и отметил как некое приближение к его Праву). Неясно, однако, причем тут ”третий путь”? Референдум и сейчас в ряде стран является частью демократического процесса.

Излагая свои излюбленные схемы групповых предприятий, докладчик совсем не пояснил принципов их функционирования и насколько не устранил всей паутины противоречий, отмеченных нами в нашей статье в № 10 ”Г.З.” Но из хода его рассуждений можно было вынести впечатление, что этими групповыми предприятиями командует первоначальная инициативная группа. Однако в этом случае они являются обычными кооперативными предприятиями, где основатели (члены кооператива или кибуца) эксплуатируют принятых позже наемных рабочих (не принятых в члены). В Белоцерковский повторил свое требование, чтобы групповые предприятия не получали дотаций от государства, но не отказался от своей прежней ссылки на кибуцы. Поскольку уже кибуцы существуют лишь с помощью всевозможных льгот в области налогов и цен, а также используют бесплатную рабочую силу, организуемую государством, возникает сомнение, не предполагается ли, что групповые предприятия будут высасывать средства из народа?

В заключение докладчик отметил, что если остальные правозащитники отвечают лишь на вопрос ”как делать”, то его теория объясняет, ”что делать”. В Белоцерковский полагает, что некоторые известные правозащитники являются сторонниками его схемы социалистического самоуправления. Но, в этом вопросе за ними нет никого. Вероятно, поэтому докладчик объявил, что эту теорию должны поддерживать широкие рабочие массы в провинции.

Очевидно, это и является предполагаемой базой неомарксизма. Поэтому москвичи объявляются вконец испорченными: ”Едва ли не у каждых двух встречных из трех виделась в глазах эта характерная московская смесь настороженности и наглости, цинизма и хитрости, трусости и агрессивности”, — пишет В. Белоцерковский в своей книге. В этом случае следовало бы спросить не страдает ли неомарксизм в свою очередь комплексом неполноценности перед столицей?

Впрочем, для себя эта теория порой делает исключения. Так, выборы в ЦК Компартии

предлагается ввести прямые — как “революционную, нешуточную меру” (“Демократические альтернативы”, стр. 275). Не ясно ли из

этого, что настойчиво предлагаемые для других косвенные выборы являются именно шуточными?

В. ПИСАРЕВ

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО

В период, когда призрак коммунизма, бездомным бродягой шаставший по Европе, обретает крышу над головой, когда ему удается на систему общечеловеческих морально-эстетических ценностей наложить партийно-классовые ограничения, тогда торжествует “шигалевщина” и вместо желанной Свободы общество сталкивается с шершавой, волчьей мордой Тотала.

Тогда оказывается, что марксизм всегда смеялся над такими понятиями, как “свобода” и “демократия” и, кроме диктатуры и террора, ничего другого человечеству давать и не собирався.

Тогда В. Ленин, разложивший русскую армию демагогическими лозунгами мира и удрученный тем, что мировая революция запаздывает, открыто тоскует о более сумасшедшей войне, дабы она просветила умы низов.

Тогда Н. Бухарин требует, чтобы учитель подчинялся неграмотному полупьяному комсомольцу—охальнику, а А. Макаренко убеждает своего воспитанника в том, что отдельный дежурный командир во время рапорта врать может, но совет командиров в целом не врет никогда.

Тогда можно замороженному советскому обывателю доказать, что вся история государства Российского делится на два этапа: до 1917 года — мрак времен и быт пещерного человека, после 17-го — эпоха света, счастья и процветания.

Советские граждане, охваченные системой массового политпросвещения, изучают историю своей страны, загадочным образом превратившуюся в историю партии, на бесконечных семинарах и политчасках.

На этих семинарах, в атмосфере скуки и серости, вынуждены они “прорабатывать” брошюры, которые не балуют читателя уже разнообразием наименований: “Как изучать произведение В.И. Ленина “Государство и революция”, “Как изучать работу В.И. Ленина “Что делать?” и т.д. и т.п.

Мой собственный многолетний опыт руководства одним из таких семинаров дает осно-

вания подозревать, что существует отработанная и тщательно отшлифованная идеологами ЦК КПСС методика формирования у среднего советского гражданина чувства острого раздражения по отношению к любым партийным первоисточникам.

Своя логика тут есть. Уже беглого знакомства с ленинскими работами, со стенограммами партийных съездов и конференций достаточно, чтобы понять, что после реформ 1861 года Россия переживала бурный экономический подъем, что инициаторами сокращения продолжительности рабочего дня и принятия новых законов, разумно регулирующих трудовые отношения, выступали не рабочие, а передовые фабриканты и заводчики, что в феврале 1917 года Россия была самой демократичной страной в мире, что пусть поздно, медленно и неуклюже, но Россия выходила на дорогу прогресса и демократии. Такая же, по сию пору неведомая советскому человеку ситуация складывалась в России и в области народного образования.

Спросить сейчас советского гражданина, каким было народное образование в царской России, и он, не задумываясь, ответит: поголовная неграмотность! Человек более образованный, так сказать “политически подкованный”, назовет даже число: 97% неграмотных!

А как обстояли дела с народным просвещением в действительности? Согласно данным однодневной школьной переписи, на 18 января 1911 года Россия по состоянию народного образования занимала последнее место в Европе: на каждые 100 человек населения страны училось 3,85 человека.

Однако при знакомстве с этой неприглядной статистикой надо учитывать, что эти данные характеризуют не уровень грамотности в стране, а лишь состояние начального образования, которое в России было 4-классным и охватывало детей в возрасте 8—11 лет.

Количество детей, получавших начальное образование, составляло около 43%, или, округляя, — 6,2 млн. учеников из 14,4 млн. де-

тей школьного возраста.

Уже не говоря о том, что эта статистика не охватывает учащихся в гимназиях, реальных училищах, корпусах военного и морского ведомств, духовных семинариях, институтах и университетах, ясно, что сохранить основной тезис советской пропаганды можно лишь при соблюдении следующего условия: школьник, едва покинув стены школы, должен был тут же забыть все, чему его учили.

Как ни забавно такое допущение, но в 1935 году, в статье "Народное просвещение в СССР", А.С. Макаренко, не моргнув глазом, именно это и утверждает. Более того, обрисовав положение с начальными школами в 1914–1915 учебном году, когда училось 7 млн. детей, А.Макаренко заявляет, что эти 7 млн. учеников и есть "образовательный актив" царской России за... "300 лет романовского царствования".

Если это так, то возникает законный вопрос: на каких же курсах ликбеза овладевали грамотой халтурины, алексеевы и бабушкины? На кого — в условиях "поголовной неграмотности" — была рассчитана вся марксистская пресса? Неужели, обнаружив на рабочем месте листовки, призывающие к стачкам и саботажу, неграмотные рабочие искали мастеров и инженеров, дабы последние растолковали им, что же в этих прокламациях напечатано?

Я не собираюсь сейчас касаться ни нелегкого финансового положения российской школы, ни политики, выражаясь языком М.Е.Салтыкова—Щедрина, "охранительных партий", наломавших немало дров в национальных школах Украины, Польши, Прибалтики. Еще до революции по этому поводу было высказано достаточно горьких упреков и справедливых нареканий. Мне же хотелось бы просто проследить тенденции развития русской школы. За 30 лет, с 1880 по 1911 год, в центральных губерниях России /Москва, Петербург, Киев, Харьков, Одесса/ число начальных училищ выросло в 3–4,5 раза, а количество учеников в 5–6 раз. Своеобразное положение с развитием национальных школ сложилось в западных губерниях России. Если вечно бунтующая Польша /которая на основе столыпинских реформ должна была со временем получить независимость/ увеличила число училищ в 1,6 раза, а учащихся — в 3,1 раза, то Литва, широко используя систему домашнего обучения, сопротивляясь и руссификации, и ополчанию, увеличила число учащихся более чем в 7 раз, выйдя по грамотности на второе,

после немцев, место в России.

На восточных окраинах страны, в губерниях Казанской и Оренбургской, число училищ выросло в 3,7 раза, при росте учеников в 5,4 и 4,6 раз соответственно, что позволило самим большевикам заявить, что по уровню грамотности Татария стоит на первом месте среди мусульманских народов России.

Что касается среднеазиатских народов, то в 1925 году, на Первом учительском съезде, коммунисты лили горькие слезы по поводу жалкого наследства, полученного ими от старой России. В Средней Азии, сообщали они, работало 8.000 медресе и мектебов, где географию преподавали по системе Птолемея, и всего 30 национально-светских школ.

Согласен, положение не из блестящих. И тем не менее, рискуя навлечь на себя обвинения в мракобесии и религиозном фанатизме, рискну заметить, что выбор образования — светского или религиозного — дело народа и его интеллигенции. И уж наверно не для ознакомления узбекских и туркменских ребятишек с основами гелиоцентрической теории совершила по пескам Средней Азии свой кровавый рейд Первая конная, саблями рубившая подростков под аккомпанемент знаменитых слов Буденного: "Руби! Вырастет — басмачом будет!"

Стенографический отчет X-го съезда РКП (б) свидетельствует, во что обошлась народам Средней Азии просветительная миссия коммунистов. Только за три года, с 1918 по 1921, население Средней Азии уменьшилось на 35%...

К тому времени, когда русский марксизм оформился как политическое течение, школа в России была уже не сословной, а классовой. Ленин прав, когда писал в 1897 году, что "классы современного общества" предполагают юридическое равенство", но он беспардонно лжет, уверяя, что классовая школа "требует от всех и всяких учеников *только одного*, чтобы он заплатил за свое обучение".

В 1907 году Московская Городская Дума открыла такое количество начальных училищ, что не было случаев отказа в приеме детей, желающих учиться, а в 1910 году в России была отменена символическая (3 рубля в год!) плата за обучение и начался переход к всеобщему бесплатному начальному образованию.

В третью Государственную Думу, обычно именуемую "правой" и "реакционной", вносится проект всеобщего народного образования. Большая часть его пунктов не встретила возражений ни со стороны Государственного Совета, ни со стороны министерства народного

образования. Проект предполагал всеобщее начальное образование для детей в возрасте 8—11 лет и денежный штраф для родителей, не посылающих детей в школу. Наиболее широкое распространение получила земская школа, поскольку ее образовательный процесс был наилучшим образом приспособлен к различным местным условиям.

В 1925 году, на Первом учительском съезде, М.Шоколовский сказал: "Торговое крестьянство, т.е. кулачество, и оказалось тем слоем, который раньше других слоев деревни оценил создание прогрессивного помещика — земскую школу. А при столыпинском режиме кулачок рос как никогда. И на этом расцвете кулачества деревня увидела не только начальную школу, технически совершенную, как никогда раньше: появилась и деревенская средняя школа, появились и волостные гимназии и прогимназии, готовившие из кулацких детей новую буржуазную интеллигенцию*. Весь этот "расцвет" деревенской культуры, параллельный развитию хуторского хозяйства, не мог не увлечь культурника профессионала, каким является учитель..."

Но если все это результат столыпинской реакции, то объясните, господа и товарищи, что же такое прогресс?

Не менее интересна эволюция печальной и убогой бурсы Н.Помяловского, церковно-словной школы начала XIX-го столетия. На 1905 год в школах Ведомства Св.Синода обучалось 32,5% общего числа учащихся России, в церковных школах шло постоянное расширение общеобразовательных программ, и недалеко было время (которого так опасался Г.Зиновьев), когда русский деревенский поп превратится в культурного, интеллигентного священнослужителя.

В разговоре о начальной школе нельзя не упомянуть и высшую, где неимущие студенты обучались на "казенный кошт", где широко действовала система стипендий и пособий, которые предоставляли просвещенные фабриканты и заводчики. И не вина царского самодержавия, что определенная часть русского студенчества занималась чем угодно (от политических беспорядков до дискуссий о проблеме пола) — только не учебой!

Кстати, отчисленные из вузов "за беспорядки", эти студенты, скрывая, по совету В.И.Ле-

нина, свою принадлежность к социал-демократам, шли преподавать в вечерние рабочие школы. Чему учили они своих питомцев?

В свое время, характеризуя тяжелое положение английского пролетариата, Ф.Энгельс с возмущением писал, что открытые капиталистами вечерние и воскресные школы служат орудием одурманивания рабочих, т.е. в этих школах изучают не приемы классовой борьбы, а биологию и астрономию — дисциплины, по мнению основоположника научного коммунизма, пролетариату не нужные.

Следует ли, по Энгельсу, что процесс учебы в коммунистическом обществе должен был свестись к изучению приемов счета на пальцах? Впрочем, марксизм — не догма, а руководство к действию! Во время своего вынужденного безделья в Разливе В.Ленин дополнил и развил эту теорию, подняв образовательный ценз людей, призванных управлять государством, до знания четырех действий арифметики ("Государство и революция").

Впоследствии эти горе-специалисты, засев в конторах Наркомпроса, развернули такую кипучую деятельность, что, по свидетельству А.Луначарского, в 1925 году в старших классах средней школы продолжало учебу только 5% учеников, окончивших начальную школу.

Не менее любопытные данные приводит А.Макаренко. Он пишет, что в 1935 году в СССР начальным образованием было охвачено 10,9 млн. детей. И если, по его же словам, в 1915 году было 7 млн. учащихся, то, бесспорно, стоило устраивать революцию, чтобы за 20 лет довести это число до неполных 11 млн! Все это понимает и советская пропаганда. Поэтому в образовательный "актив" советская статистика вносит не только школы, но и ФЗУ, ликбезы, совпартшколы, профсоюзные курсы, клубные кружки и... детские площадки и садики. Если еще можно согласиться с тем, что в садиках детишки знакомятся с основами грамоты, то какое отношение к образованию имеют клубные кружки, где под балалайку разучивают колхозные частушки? В результате сегодня в СССР на каждые 100 человек — 120 человек учатся.

А какова была судьба тех студентов, которые, успешно закончив университеты и институты и получив диплом народного учителя, разъезжались по градам и весям страны, чтобы сеять разумное, доброе, вечное? Если верить официальной пропаганде, судьба их была ужасна. Так, Г.Зиновьев, ссылаясь на Ильича, уверял учительскую аудиторию, что в городах России "учитель был запуган и забит буржуази-

* Напомню, что типичным кулаком в изображении М.Шолохова является Островной, который говорит: "За землей, как за большой бабой, ходил. А сейчас боюсь — раскулачат".

ей”, а ”учительство в деревнях запугано кулаками, забито, заключено до полусмерти старым, царским чиновничеством”.

При этом Г.Зиновьева абсолютно не смущает тот факт, что, по его же словам, 13 декабря 1917 года общее собрание петроградского совета учительских делегатов большинством голосов — 800 против 66 — постановило объявить забастовку во имя следующих требований:

”1. Немедленное открытие Учредительного Собрания; 2. полная неприкосновенность всех его членов; 3. немедленное прекращение братоубийственной гражданской войны; 4. восстановление всех гражданских свобод; 5. восстановление законных прав всех городских и земских самоуправлений, избранных на основании всеобщего избирательного права”.

Диву даешься, насколько политически развита была эта ”до полусмерти заколоченная, забитая и запуганная” учительская масса и как сильно она обогнала в своем развитии нынешних апологетов еврокоммунизма и радикальную западную интеллигенцию, балующуюся марксизмом.

Основная масса русских учителей, организованная во Всероссийский Учительский Союз, встретила октябрь 1917-го с откровенной враждебностью. Тому были свои веские основания. Как свидетельствует М. Покровский, в 1905 году большевики допустили ошибку, рассказав учителю ”вслух и публично” то, ”о чем за год раньше можно было говорить лишь под покровом строгой конспирации”.

”Лишь постепенно мы учились, — продолжает М. Покровский, — что не только требовать безоговорочного принятия нашей программы, но и излагать-то целиком эту программу можно было не всем и не всегда”.

Откровенные антикоммунистические убеждения русского учителя вызывали резкую отповедь со стороны Н. Крупской, которая грозила тем, что советская власть не будет иметь никаких дел с Всероссийским Учительским Союзом ”даже на почве чисто-экономических вопросов”.

Угроза смешная и нелепая уже по той простой причине, что никакой экономической поддержки со стороны властей школа тогда не имела. Из выступления А.Луначарского на Первом учительском съезде ясно, что все средства Наркомпроса были брошены на агитационно-

пропагандистскую работу в армии. Большевикам, использующим заградительные отряды балтийских матросов-братишек, необходимо было еще и оболванить семимиллионную солдатскую массу, объяснив ”деревенскому парнишке, как это получилось, что коммунисты обещали народу мир, а дали войну”.

Не удивительно, что в результате такой политики экономическое положение учителя было катастрофическим. В 1921 году учительское жалованье составляло 20% старого земского, а пока учитель в январе получал деньги за декабрь, рубль успевал обесцениться в десять раз. Но и эти деньги учитель получал не всегда, т.к. губисполкомы за счет школы затыкали дыры в сметах других ведомств.

”Губисполкомы правильно рассуждали, что милиция разбежится, ежели ее не оплачивать, больницы закروются, а школа ”как-то живет”, — говорил М. Покровский, — школу содержал кулак, впроголодь кормя учителя, впроголодь топя школу и чиня ее настолько, чтобы она не развалилась”.

Тот же кулак (судя по докладу М. Покровского) покупал и учебную литературу, платя за старый учебник фунты ржи, за новый он отдавал рожь уже пудами.

В 1919 году В.И.Ленин, выслушивая жалобы на книжный голод в Советской России, обвинял в этом темного и несознательного мужика, который ограбил барские библиотеки и держал книги у себя.

Да скажите на милость, что это за темная, лапотная и варварская Россия, крестьянство которой, яростно сопротивляясь продотрядчикам, применявшим при изъятии хлеба порки, пытки и расстрелы, в то же время, как могло, без поддержки властей, содержало школу, по бешеным ценам скупало на черном рынке учебники и прятало от коммунистов, объявивших Л.Толстого и Ф. Достоевского реакционерами, барские библиотеки?

Все сказанное свидетельствует, что в начале двадцатого столетия в России складывалась новая социальная структура: союз свободного крестьянства и земской интеллигенции. Такой союз представлял собой смертельную опасность для большевиков, а потому в условиях коммунистической диктатуры он был обречен на физическое уничтожение.

Он и был уничтожен!

Д. ШТУРМАН

”С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?”*

6. КОММУНИЗМ И АНТИКОММУНИЗМ

Когда А.Солженицын говорит, что коммунизм есть ”мировое зло огромной ненависти и силы”, зло, враждебное ”любой нации”, любому народу¹, — это ясно, и не надо подменять один предмет разговора другим.

”Мировое зло”, в его понимании и ощущении, — тоталитаризм как таковой. Поэтому он заведомо не предполагает и не предлагает новых (русских) гитлеров в качестве альтернативы коммунизму.

Вообще из всего, что пишет и произносит А.Солженицын, никак не следует, что отрицание им одного мирового зла неизбежно ведет к реактивному влипанию лбом в стенку другого, лишь геометрически противоположного первому, а на деле ему тождественного мирового зла. Это отшатывание от коммунизма к нацизму продельывает за А.Солженицына Г.Померанц, доводя — в своей критической интерпретации — отвращение Солженицына к коммунизму до его эмоционального и логического предела, каким он представляется Г.Померанцу. Между тем нацизм и коммунизм для А.Солженицына находятся на одном и том же нравственном и социальном полюсе. И отталкивание от их насильственной сути приводит его отнюдь не к замене мирового коммунизма русским нацизмом, а в другой тупик: в тупик абсолютизации ненасилия (во всяком случае, так было до сих пор)². Переход массы русских и нерусских (кроме евреев и цыган) советских граждан на сторону Гитлера Солженицын воспринимает как историческую и нравственную трагедию³, а не как выход.

Однако лишь немногие читатели возьмут на себя труд проверить и исследовать во всей ее сложности позицию А. Солженицына в этом вопросе. Большинство (как и я) привыкло верить оценкам Г. Померанца. Значит, ”2 — 0” в его пользу: еще одна (вспомните ”самодержавие правды”) отрицательная эмоция по отношению к Солженицыну обеспечена. Впрочем, обеспечено и алиби Г. Померанца. Он не сказал прямо, что Солженицын предпочитает Гитлера Сталину. Логические ходы: Солженицын считает коммунизм абсолютным злом;

следовательно — все разновидности антикоммунизма для него благо; гитлеризм есть один из видов антикоммунизма; значит, для Солженицына он тоже должен быть благом. Таковы типичные ходы всякой ”истребительной полемики” (Ленин), для которой победа дороже истины и которая работает лишь ”на публику”, а не на обращение оппонента к истине. Но ведь это не Солженицын, а Г. Померанц не видит другой реальной траектории для антикоммунистической мысли, кроме отвергнутого им колебания между ”черными дырами” двух разноименных тоталитаризмов.

Альтернативы: ”коммунизм — демократия западного образца” или ”тоталитаризм — реформаторская (в направлении демократии) авторитарность” Г. Померанцем не исследуются. Между тем А. Солженицыну ближе всего вторая альтернатива: твердая, честная власть, способная к раскрепостительной реформации, но не допускающая анархии, ведущей опять к тоталу. Поскольку Г. Померанц в 1978-м году (!) приводит в качестве примера и основания для надежды на перерождение коммунизма эволюцию западных компартий, я опять на западного же мыслителя и сошлюсь⁴:

”В исторической перспективе я могу видеть ревизионизм только как иллюзорную попытку исправить неисправимое, и поэтому в ходе диалектики истории я вижу в нем очень хитрого (хитрость духа у Гегеля) помощника тоталитаризму.

Абстрактный гибрид ”демократический социализм” заключает в себе, несмотря на всю прельстительность, чудовищное противоречие или, вернее, он потому так прельстителен, что он мнимо чудесным образом разрешает и примиряет несоединимые феномены демократии и тоталитаризма.

Если привести к простому знаменателю, следует сказать: в социализме нет никакой демократии, и в демократии нет социализма. Социализм связан железной логикой с так называемой диктатурой пролетариата, с насильственной ликвидацией частной собственности, с руководящей ролью насильственно ликвидирующих собственность организаций, с тоталитарным аппаратом власти, который делает все это возможным.

Вы, конечно, можете отвергнуть эти мои тезисы, несмотря на исторический опыт, но

* Окончание. Начало статьи см. в № 20 ”Г.З.”

тогда у Вас останется только один путь, путь утопии, находящийся вне истории. Конечно, в мире утопии, в мире отчаянной надежды, иррациональной логики и бесчеловечной человечности можно представить себе мирное сосуществование между социализмом и демократией, между рабством и свободой... Хотя можно представить себе, может быть, реально, не утопично, совместную жизнь между волком и ягненком, тигром и зайцем, но совершенно не возможно без ужаса думать о конкретной реальности противоречивой тождественности, называемой "демократический социализм".

Но как раз то, что об априорной предпосылке метаноии (полного внутреннего поворота) людей умалчивается и одновременно она втихомолку включается в концепцию, характеризует эту систему как чисто утопическую и одновременно косвенно манихейскую, так как в ней заключается противоречие совершенного человека, который втайне предполагается, с безусловным осуждением испорченного человека капитализма. По сравнению с этим капитализм представляет собою систему чистого позитивизма и прагматизма (так же и в отношении оценки человека), тоталитаризм же — систему чистой бесчеловечности, создаваемой с помощью позитивизма и релятивизма испорченного человека.

Так понятая система советов была бы пригодна разве что для ангелов или в исключительных случаях для святых.

Еще одно замечание: диктаторский режим, который введен в Чили после свержения Альенде, не должен Вас удивлять, так же, как и то, что Солженицын говорит об авторитарном режиме после предположительного отклонения марксизма (не только ленинизма) в России. Из тоталитарных или предтоталитарных режимов нет легкого перехода к демократии. Я даже думаю, что и в Чехословакии в 1948 г., если б коммунистический путч был предотвращен, надо было бы временно ввести авторитарный режим. В Вашей стране демократия Аденауэра стала возможной не только после полной капитуляции нацизма, но и под до известной степени авторитарным покровительством США в первое время. Гораздо логичнее был переход от нацизма к большевизму на почти тождественной плоскости тоталитаризма в восточной части Вашей родины. И я не вижу ни малейшей аналогии между свержением Альенде в Чили и оккупацией Чехословакии. Если мы уж хотим делать сравнения, то мне кажется, что гораздо больше общего между Чехословакией 1948 г. непосредственно пе-

ред коммунистическим захватом власти и положением Альенде в Чили. В обоих случаях дело шло о попытке при помощи СССР ввести в стране тоталитарную систему, с той только разницей, что чехословацкий генерал Свобода, в лояльность которого неопытный Бенеш твердо верил, был на самом деле испытанным коммунистическим агентом, тогда как в Чили армия, к счастью, имела достаточно сил, чтобы ровно в 12 предотвратить стереотипно организованный коммунистический захват власти"⁵

Взгляд Р. Прайзнера на авторитаризм как на динамичную альтернативу тотала, пожалуй, наиболее близок А. Солженицыну.

Интеллектуал и демократ Рио Прайзнер рассуждает на том же концептуальном языке, что и Г. Померанц. Казалось бы, Прайзнер должен был быть им услышан. Он, правда, обращается не к российским, а к европейским интеллектуалам, надеющимся на либерализацию коммунизма или на построение "настоящего", т.е. демократического, социализма. Западные оппоненты Р. Прайзнера не хотят "сталинизма", но смертельно ненавидят все то, что ими обозначается как "правизна". Фактически Г. Померанц стоит на позиции того западного мышления, которое парадоксальнейше повторяет все комплексы, иллюзии и заблуждения левоориентированной российской интеллигенции начала века. И — что весьма симптоматично — набор воззрений западных и советских серийного западного образца интеллектуалов⁶ обязательно сопрягается с тенденциозным прочтением Солженицына и с неприязнью к нему⁷, тогда как почвенничество со ксенофобией объединяются отнюдь не всегда.

Еще одна непостижимая для меня вещь. Г. Померанц с такой категоричностью не приемлет социальных позиций, связанных с международным словообразующим элементом "анти", что всякая "антипозиция" ассоциируется в его восприятии с антихристом: "Мне приходила в голову мысль, что сама сущность антихриста — в упоре на "анти"⁸.

Неужели сущность "антихриста" в том, что он против ("анти"), а не в том, что он против Христа: Добра, Правды, Спасения?

В своем неприятии "антипозиций" Г. Померанц настолько широк (поистине безграничная "широта" — вплоть до отсутствия взглядов — тоже один из стандартов модернизирующего мышления, о котором я говорю), что не приемлет не только антикоммунизма, но и антифашизма.

"Где-то в большом, сложном, запутанном мире коммунисты так же вдохновляются

борьбой со злом, как антикоммунисты. И антикоммунисты так же стервенеют, так же сатанеют от своего антикоммунизма, как коммунисты – от своего антиимпериализма, антифашизма и т.п. И нельзя преодолеть зло, не избавившись от всех анти, от захлеба борьбы. "Антипалач" несет в себе заряд остервенения, который завтра породит нового палача. Нужно не "анти", нужно "а", т.е. "не" (ненасилие, недвойственность; с "не" начинаются многие превосходные идеи, с "анти" – ни одной. "Анти" – слово техническое: антибиотики, антифриз – средство против узко определенного зла. Антибиотики в организме оказались небезопасны. В царстве духа анти вовсе не подходит).

На дне бытия зла нет. Есть разные виды добра, сталкивающиеся и уравновешивающие друг друга. Откуда же берется зло, в котором тонет мир? От остервенения в борьбе за свое частное добро"9.

Позволю себе возразить, что не мы выбираем в своем антифашизме и антикоммунизме позицию "анти", которую Г.Померанц отпугивающе связывает с антихристом. Это коммунизм и нацизм запрещают кому бы то ни было пребывать в позиции "не", уже одним этим фактом ставя неприсоединившихся в позицию "анти". Партократия безвыходно организует жизнь так, что тот, кто не с ней, тот против нее. А тем, кто против нее, она существовать не разрешает. Разумеется, в зоне для нее досягаемой.

В.Пирожкова пишет:

*"Покойный Ю. Б. Марголин писал, что он – не католик, но и не антикатолик, он – не буддист, но и не антибуддист и т.д., но почему же он не может быть только некоммунистом, не будучи антикоммунистом? Потому, что коммунизм сам не нейтрален по отношению к тем людям, которые его не хотят. Он протягивает захватническую и душащую руку к ним всем, он хочет покорить и подчинить их всех себе силою. Вот почему недостаточно быть только некоммунистом, а надо быть антикоммунистом"*10.

Нацизм тотально, то есть независимо от взглядов и поведения представителей наций, подлежащих уничтожению, истреблял евреев и цыган. Будучи всего-навсего ненацистами, а не антинацистами, вы всего лишь не участвовали бы в истреблении цыган и евреев, – если бы вам позволили в нем не участвовать. Но вам не позволили бы. И, кроме того, неужели вас удовлетворило бы одно лишь пассивное неучастие в геноциде? Вам не было бы невыно-

симо тяжело смотреть на происходящее? Я понимаю, что все мы пережили и переживаем состояние позорного бессилия воспрепятствовать злу, но неужели оно совместимо с чувством внутренней свободы, достоинства, с возможностью развития (чего?)?..

Кстати, Г.Померанц с нацистами воевал, а не уговаривал моих и своих истязаемых и убиваемых соплеменников и родственников прощать нераскаявшихся палачей. Это было дело уничтожаемых – прощать палачей или призывать на них отмщение в свой смертный час, а не наше дело. И в годы сталинщины Г. Померанц был в тюрьме и в лагере, а не среди палачей. Как же ныне антипалач уравнивается им с палачом?

11 лет назад А. Кузнецов, только-только вырвавшийся из "большой зоны" и оставивший ключья души на колючей проволоке ее "запретки", писал:

"Я сейчас словно вырвался из-за тридцати рядов колючей проволоки, лежу, хриплю, с меня хлещет кровь, а вокруг стоят сытые, розовые джентльмены и обсуждают, правильно ли я сделал, что вырвался, и почему я проделывал это таким странным способом.

Ну, а если я против советской власти? Я не фашист, не капиталист, не социалист, я сам не знаю, кто я такой, просто человек и гуманист, но я против этого ужаса и обмана!

Да, я преклоняюсь перед Синявским и Солженицыным, генералом Григоренко и Литвиновым. Они – как христианские мученики идут прямо на зверей, зная наперед, что их ждет. Но то, что они проповедают, – компромиссно. Потому им и позволено.

*А бескомпромиссных даже к арене не допускают. Бескомпромиссных душат в темных подвалах, и их криков не слышно"*11.

Он умер – человек, написавший несколько статей-воплей. Но надо бы его статьи переиздавать и перечитывать: ведь все и поныне так, как он прокричал! А его убеждают посмертно: ну, зачем же так резко? Нельзя против – достаточно "не"! Может быть, стоило бы перечислить еще раз те категории писателей, которые он перечислил сразу же после бегства и которые так похожи на категории интеллигентов, когда-то блестяще проанализированные Г. Померанцем? Хотя бы упомянуть, по А.Кузнецову, пятую категорию:

"Противники. Против советской власти. Считают, что "коммунизм с человеческим лицом" – фикция, миф. Что Советская Россия – это мировой жандарм, фашистская страна.

?. .. ?. Это их, "бескомпромиссных, душат в темных подвалах" так, что даже "их крики не слышно"...¹².

Ах, нет, не стоит: то ли не этично, то ли не эстетично, то ли чересчур узко!..

Односторонности и угрожающим потенциям всякого "анти" Г. Померанц противопоставляет спасительный "внутренний поворот каждого человека к свету".

Но ведь на априорной предпосылке конечного поворота каждого человека к правильно-му (?) образу мыслей и к правильной (?) жизни основаны все варианты утопических идеальных обществ! Такой поворот называется метанойей. И порок расчета на метанойю (в социально-исторической плоскости) состоит в том, что, во-первых, само понимание "света" ("правильности") определяется в данном случае далеко не непогрешимыми устроителями "идеальных" обществ, а во-вторых, истребить человеческое разномыслие, человеческую разнокачественность на земле невозможно.

Опыт свидетельствует, что самые обыкновенные, земные, несовершенные люди на одной и той же грешной планете живут все-таки очень неодинаково. Граница между разными существованиями иногда рассекает один и тот же народ (ФРГ и ГДР, КНР и Тайвань и т.д.).

Порой это бывает очень отчетливая хронологическая граница: нацистская Германия — ФРГ; демократическая Чехословакия — "протекторат" Богемия и Моравия; независимая и оккупированная советами и нацистами Польша; Россия — и СССР, Камбоджа до Пола Пота — и при нем. Примеры бесчисленны.

Кроме того, в одних общественных обстоятельствах работа во имя обращения как можно большего числа людей к духовному и нравственному свету возможна, а в других — невозможна или чрезвычайно затруднена.

Поэтому пытаться противопоставить солженицынскому горению незамутненно-надмирные фразы о "повороте всех людей к свету" — задача неблагодарная. Для того, чтобы камбоджийцы зажили хотя бы так, как японцы, а россияне — хотя бы так, как жители ФРГ, всеобщего внутреннего просветления не надо. Достаточно возродить в этих странах нормальную правовую плюралистическую ситуацию, которая дает людям возможность защищать свои интересы. Да и на всей планете и без торжества всеобъемлющей метанойи весьма и весьма просветлело бы, избавься она от коммунистических попечений о ее "повороте к свету".

Солженицын над тем и бьется, чтобы осла-

бела опасность гибели, идя, как все мыслители такого масштаба, то сквозь прозрения, то сквозь заблуждения (сквозь удачи и неудачи). А Г. Померанц с непостижимой (для меня) слепотой к происходящему печется о том, чтобы умолк, хотя бы на время, этот — один из немногих — могучий голос, сумевший докричаться до не утративших слуха:

"Кажется, в жизни часто бывают положения, когда действовать — грех, и не действовать — тоже грех; иногда я действовал и принимал на себя грех действия, а иногда бездействовал и принимал грех бездействия. Незначительные масштабы событий не опьяняли, и время от времени возникало чувство, что все эти грехи, словно шарики, висят на моей шее. К сожалению, в большой истории легче запутаться. Масштабы так велики, что зернов превращается в пьедестал, и герой, встав на него, заживо бронзовеет. И тогда уже не сознает, что благи намерениями вымощен ад.

*Если бы Александр Исаевич увидел вдруг все эти опасности, он наверно замолчал бы, а потом стал писать иначе, другое. И может быть написал бы Исповедь человека, поднявшего меч. Это была бы замечательная книга" (Г. Померанц).*¹³

И тут как-то загадочно-необъяснимо ускользает и от Г. Померанца, и от привычно расположенного к нему читателя, что А. Солженицын поднял всего-навсего перо, а не меч.

Ад коммунизма уже построен. Он безостановочно ширится. И при этом он остается вне поля критики и даже иронии Г. Померанца. А весь огонь обрушивается им на тот проблематичный "ад", который еще только может вырасти из антипалаческой страстности А. Солженицына. И каяться должен опять-таки Солженицын, поднявший всего лишь голос в защиту и в память жертв, а не убийцы десятков миллионов его сограждан!

Г. Померанц говорит:

*"Если история — уголовное преступление, то все исторические народы заслуживают казни; и, может быть, она совершится, — в XXI или другом веке. Только что здесь хорошего? Пусть лучше восторжествует не справедливость, а милость. И останемся со страданиями неотмщенными... или все погибнем."*¹⁴.

Отлично: пусть "восторжествует не справедливость, а милость". Но: мы, что же, находимся уже в позиции, когда палачи, обезвреженные, ждут то ли возмездия, то ли милости? Идеи, подвигнувшие народы на тотальные преступления XX века, УЖЕ развенчаны? Они перестали действовать, и теперь надо только иметь доста-

точно великодушия, чтобы о них забыть и помирловать тех, кто сегодня маскирует свои преступления возвышенной фразеологией утопии -оборотня? Уже не горит над каждым из нас: "КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ, И КОГДА, ЕСЛИ НЕ СЕЙЧАС"? Мы НЕ ЗНАЕМ, что делать, чтобы народы избежали казни, но ведь знание и незнание — это совсем другая проблема, чем та, которой подменяет заботу, владеющую А. Солженицыным, Г. Померанц!

Сентенции Г. Померанца претендуют на великодушие, но и это подмена. Даже ряд подмен. Это похоже на христианское всепрощение, но это не христианство, ибо христианство запрещает самоубийство и прощает раскаившихся, а не палачествующих. И у Солженицына речь идет не об отомщении, а о спасении — живых и имеющих еще жить на Земле.

А. Солженицын ищет не "козла отпущения", а ответа на изводящий всех нас вопрос: почему это случилось? И еще — почему свободные люди рвутся в ту же ловушку? Ответы могут быть верными и неверными, но он их ищет!

С одной стороны, Г. Померанц без конца повторяет, что и коммунистов, и нацистов, и их противников обрекают на палачество их благие намерения. А посулы никакие намерения не гарантируют от того, что носитель их завтра не озверевает. При этом непременно подчеркиваются благие намерения коммунизма.

С другой стороны:

"В пароксизме борьбы зло становится мнимо всемогущим, и возникает тот дьявольский пафос, который орвелловский О'Брайен объясняет своей жертве в Министерстве Любви:

*"Власть не средство, она цель. Не диктатуры создаются для защиты революции, а наоборот, революции создаются для установления диктатуры. Цель гонений — гонения. Цель пыток — пытки. Цель власти — власть..."*¹⁵.

Во-первых, относительно "мнимого всемогущества" зла. На Земле, в мимолетности одной человеческой жизни и в преходящем существовании народов, государств и цивилизаций, зло может быть и всемогущим — в убийстве, в уничтожении, в разрушении. Поэтому человек, не впадающий в грех готовности на свое и чужое самоубийство, о мнимости всемогущества зла должен говорить осторожно.

Во-вторых, все было бы слишком просто, если бы орвелловский О'Брайен, обо всех судящий по своей подлой душе, был прав.

Гонения, пытки и тотальная власть, к несчастью, возникают даже тогда, когда установление диктатуры первоначально воспринимается утопистами лишь как инструмент, как сред-

ство, как преходящая печальная необходимость для построения идеального общества, а не как самоцель.

Ни реакция Тьера на первый коммунистический путч Парижской Коммуны (отнюдь не имевший благой перспективы), ни авторитарность оккупационной политики США в побежденной Германии не превратились в увековеченное пыточное всевластие. Здесь, как и везде у Г. Померанца, обобщение неоднородных явлений приводит к ложному выводу¹⁶.

7. ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ

Естественно, что центральных противоречий антикоммунистической позиции А. Солженицына Г. Померанц не видит. Возможно потому, что для него это проблески правоты, а не противоречия.

Когда говорят о необходимости (для еще свободного мира) сопротивления тоталитаризму, то рано или поздно встает вопрос о сопротивлении действием, а не только словом. Для партократии ее пропаганда, ее управляющая массовым и индивидуальным поведением ложь — это всегда артоподготовка перед физической эскалацией. Кроме того, коммунизм прорастает и изнутри демократии.

А. И. Солженицын с начала своей услышанной миром проповеди твердит, что "коммунизм останавливается только тогда, когда встречает стену..."

Но с того же момента, когда он был услышан, он повторяет и оговорку: "... хотя бы стену неколебимой воли".

Каков же реальный смысл этой не услышанной Г. Померанцем оговорки (а ведь и до 1978 года А. Солженицын делал подобные оговорки неоднократно)? Перед таким беспощадным, аморальным, агрессивным нападающим, как партократия, чем и как должна быть подкреплена "стена неколебимая воли", чтобы партократия в нее уперлась?

В том же монологе "Коммунизм у всех на виду — и не понят" (январь 1980) сказано, что Запад должен объединить против коммунизма усилия "политиков, дипломатов и военных".

Как должна реализоваться "неколебимая воля" "военных"? Означает ли это, что А. Солженицын готов отказаться от абсолютизации ненасильственного сопротивления?¹⁷

Если речь идет пусть о сплошной, но пассивной стене людей, готовых недвижно стоять на смерть под огнем любой плотности, то на земную победу этим волевым людям надеяться

нечего. Танки пройдут по ним, ядерное оружие просто испепелит все живое.

Если же речь идет о земном одолении "устрашающих военных сил коммунизма" (военных сил!), то для чего оговорки типа "...хотя бы стену неколебимой воли?"

В отличие от Г. Померанца, А. Солженицыну ясно, что мюнхены только углубляют тупик. Но и он не говорит последнего слова: защищаться ли от "устрашающих военных сил коммунизма" военными средствами или только стоять насмерть? Потрясенный партократическим насилием и от него отвращенный, он многократно отказывался в своих декларациях от применения против коммунизма военной и революционной силы. Как нам узнать: в любых обстоятельствах и при любом повороте событий? Солженицын во всей совокупности своих работ на этот вопрос не отвечает. Страстная и деятельная натура влечет его на сторону лиц и групп, способных сопротивляться, защищаться и опережать готовящееся нападение. Жажда обнаружить земной поведенческий абсолют, пригодный для всех случаев жизни, постоянно сталкивает Солженицына, как в свое время Толстого и Достоевского, с самим собой. Ибо речь идет о борьбе с противником, строящим свою стратегию на применении силы. Любые иные факторы для этого противника несущественны. ЛОЖЬ — да, но ложь для партократии лишь артоподготовка и вспомогательный инструмент насилия. Солженицын говорит только о правде и о "стене неколебимой воли". Но его оппоненты, стоящие, казалось бы, на той же стороне рва, что и он, упорно уговаривают его отбросить "меч" и предаться покаянному прощению преуспевающих палачей — НЕПОСТИЖИМО!

У диссидентов и эмигрантов нет никакого физического оружия. А хоть и было бы? Зачем оружие горстке людей? И даже Слово — их единственное оружие — почти "не задействовано", ибо у них нет денег и средств информации для доведения Слова до его адресатов.

Но не приспело ли время, может быть, последнее, перестать твердить о ненасильственном, только ненасильственном, исключительно ненасильственном сопротивлении? Хотя бы в наших обращениях к тем, у кого есть армии, оружие и деньги для распространения Слова? Разве мы НЕ ЗНАЕМ, что миролюбивым, не подкрепленным силой, ОНИ СЕБЯ НЕ СПАСУТ?

Н. Я. Мандельштам во "Второй книге" пишет:

"Я бесповоротно отказываюсь от самозащиты, но другим этого делать не советую... Рекомендую осторожность и самозащиту" (стр. 568).

Человек, спасший (для нас, а не для его и своей земной жизни) Осипа Мандельштама, волен не отдалять свою встречу с ним, в которую верит. Но людям этот героический человек запрещает "осторожность и самозащиту".

И еще:

"... Но все же и во мне теплится надежда (она затухает каждую секунду и скоро потухнет совсем), что испытания, пережитые человечеством, не пропадут зря. Но каждый день подрывает надежду, потому что новые поколения на Западе (а старые? А на Востоке? — Д.Ш.) ничему не верят и не хотят задуматься о чужом опыте.¹⁸ Их слепота, равнодушие и идиотический эгоизм приведут Запад к тому, что мы испытали, только сейчас это несравненно опаснее, хотя бы потому, что не локализуется в определенном участке, а распространяется и покрывает всю Землю отрядами, которые по заданиям начальства стреляют в окна, в людей, в душу человеческую, надевают на мыслящую голову китайскую каменную шапку, проламывающую череп, и рубят кисти рук тем, кто играет на рояле (582)".

"... Я хочу знать... Почему оно¹⁹ не успело ничего противопоставить проповеди зверства? ... В чем были роковые ошибки прошлого у нас и в чем они сейчас на Западе? Не идет ли растлевающее влияние не только от арагонов и сартров, но и от "охранителей", берегущих свое здоровье, покой, удобства и делающих ставку на счастье для себя, на свое собственное пищеварение?" (стр. 589).

Именно это хочет понять и Солженицын, зарывающийся на десятилетия в документы истории²⁰ и делающий свой каждый (часто — спорный, иногда и для него самого переходящий, промежуточный) вывод достоянием читателей.

Г. Померанцу А. Солженицын кажется похожим (интеллектуально и психологически) на Ленина. Мне представляется, что, будь у Солженицына, как видится многим, в том числе и Г. Померанцу, характер Ленина, он занимался бы сейчас без всякой оглядки на историю, философию и теорию только сбиванием профессиональной заговорщицкой партии, а не архивными материалами русского и советского прошлого. Ленин никогда всерьез историей не занимался. В зрелом возрасте он не верил в большую часть того, с чем обращался к массовому читателю. Ленин совершенно а-теорети-

чен и сознательно бесцеремонен в обращении с фактами.

Солженицын, спеша использовать каждый чудом отведенный ему на постижение истины час, ощупывает исторический лабиринт злоепохи. Немудрено, что очертания лабиринта в его представлении от книги к книге в чем-то меняются.

Как уже говорилось выше, Солженицын, вопреки своему характеру, не решается рассматривать и пропагандировать какие-то формы силового сопротивления коммунизму.

Ленин же бросался в бой, если мало-мальски ясно представлял себе хотя бы 2-3 ближайших тактических хода. Хода к чему? Всегда к одному и тому же – к власти своих абсолютных единомышленников, то есть к своей власти: "Сначала ввязаться в серьезную драку, а там посмотрим!.." – вот кредо Ленина (см. "Письма к Суханову "О нашей революции").

Г. Померанц Лениным, как и русской историей, а также стадийным сравнением русской истории с историей Запада профессионально, по-видимому, не занимался. Он отдает дань поветрию и занимается обобщениями вне доказательной фактографии и сравнениями без основательного сопоставления. Поэтому "ясным истинам" в данной его статье взяться неоткуда. Остаются истины, настолько "глубокие", что в них тонешь, не разобравши в чем утонул.

8. О ЖАНДАРМАХ И "МИРОВОМ ДОБРЕ"

Попробую разобраться еще в нескольких обобщениях Г. Померанца. Его шокирует "Мировое Добро в образе жандарма, в любую минуту готового пресечь Мировое Зло"²¹. Эта ирония адресована тем, кто не одобряет ухода США из Вьетнама, а Франции – из Алжира.

*"Мой великий оппонент хотел бы Мирового Добра в образе жандарма, в любую минуту готового пресечь Мировое Зло. Это очень популярный образ доброго правления; но Франция уступила Алжиру и Штаты – Северному Вьетнаму, хотя имели техническую возможность раздавить своего противника. Надо было лишь внутренне перестроиться, встать на позиции пролетарского гуманизма (если враг не сдастся, его уничтожают). Запад на это оказался неспособен"*²².

И опять – передержка. Ситуации "США – Вьетнам" и "Франция – Алжир" не тождественны: уход из колонии (о целесообразности которого тоже можно поспорить: Алжир превращен в просоветское агрессивное, почти то-

талитарное государство) или отступление на границе между двумя мирами – не одно и то же. США воевали не только с Северным Вьетнамом, а с КНР и СССР, стоявшими за его спиной. Г. Померанцу ли о том не ведать? Поэтому речь шла об очень серьезной битве. Уход США из Вьетнама убил половину населения Камбоджи, уничтожил полностью народ мео, массу лаосцев и вьетнамцев, привел к тегеранской и афганской трагедиям и приблизил Америку к выбору куда более страшному, чем тот, перед которым она стояла во Вьетнаме. Уйдя из Вьетнама, США как раз и встали "на позиции пролетарского гуманизма", предав гуманизм как таковой. Да и себя заодно. Кончать прерванный бой придется теперь в Западном полушарии, и как бы не на территории США. Отставали уход из Вьетнама слепорожденные американские "левые", сидящие в уютных домах с телевизорами и разъезжающие на собственных автомашинах под защитой презираемой ими полиции. Геноцид против народа мео и тонущие в океане вьетнамские беженцы их настроения не ухудшают. Но Г. Померанц, по всей вероятности, еще не забыл, как выглядит война на своей территории, которая приближается к западным демократиям, в том числе и к США?

"По-прежнему справедливость мыслится как зло за зло, око за око, зуб за зуб. Выход за рамки реактивного мышления был бы концом истории, началом какого-то совершенно нового общественного бытия, или даже нового космического бытия – как в "Сне смешного человека". Сегодня мы не дошли до этого, и потому точка зрения Александра Исаевича имеет достоинства, неотделимые от ее недостатков: она в ладу со временем и вдохновляет на великие исторические подвиги. Напротив, моя точка зрения ставит вне исторического процесса. Она делает подозрительным к богатырям и заставляет предсказывать, что Геракл перепьется и постреляет собственных детей, что П. Якир и В. Красин доступны растлению ничуть не меньше, чем герои революции..."

*Вступив в полемику, я мучительно сознаю опасность собственного красноречия (оно не раз уже толкало людей совсем не туда, куда мне хотелось). Я вспоминаю Тютчева: мысль изреченная есть ложь... И голос мой от этого пресекается. У меня нет уверенности, что каждое мое слово служит Добру. И я прошу читателя возвращаться от частных суждений к целому, от буквы к духу, против которого не дай мне Бог согрешить."*²³.

Мне очень неловко от сознания, что я могу ошибиться именно в своем отношении к духу высказываний Г. Померанца. И я заранее прошу в этом прощения. Но чтение всякого текста начинается с его буквы. П. Якир и В. Красин, на мой взгляд, отличаются от "героев революции" тем, что были сломлены, тогда как те ломали других (и создали ситуацию, в которой людей ломают). Нормальная же человеческая выносливость не рассчитана на испытания, постигшие П. Якира и В. Красина, и вообще на единоборство с партократией. Ссылки на людей, сломленных советской охранкой, в качестве довода против антикоммунизма (именно по духу таких апелляций) не убедительны. Это — доводы против коммунизма. Геракл, конечно, может и "перепиться"; и "перестрелять своих детей", но и любой ущемленный и уязвленный мозгляк может сделать то же. Для этого не обязательно быть героем. Слабые и униженные часто отыгрываются на еще более слабых. Так что это не довод против героев, а мутноватой воды риторика.

Главная же мысль (дух?) высказывания Г. Померанца сводится к идеализации не только недействия, но и небытия.

Прямо сказать, что недействие (в данном историческом случае) обеспечивает хотя бы надежду "быть красным, но не мертвым" ("besser tot als tot"), он не решается. Он несколько раз говорит о возможности общечеловеческой гибели и о предпочтительности такого исхода сопротивлению. Конечно, "можно сказать, что врагов вообще нет, что это ложное положение, созданное ложно направленным умом" (Г. Померанц), — сказать все можно. Но как мне это сказать, когда в мирном городе даже не спровоцированные на отчаянные акции люди²⁴ среди бела дня стреляют в автобус со школьниками? Софистика Г. Померанца сводится к одностороннему разоружению. И это действительно будет "концом истории". "С точки зрения вечности"²⁵ все пустяк. Но измерение "тревог времени" (от которых Г. Померанц все-таки "неспособен совершенно освободиться") исключительно в категориях вечности так же бессмысленно, как принятие гвоздя в своем башмаке за проявление "мирового зла".

Чрезвычайно причудливо связаны в монологе Г. Померанца правда и правдоподобие:

"Реактивное мышление возникает на том уровне, где целое утрачено разумом. Истина, добро и красота отделились друг от друга, перестали быть именами единого Бога, стали предметами, ничего не знающими друг о друге.

И все ценности стали атомами, замкнутыми в себе. В этом ложном мире страстное стремление к полноте бытия принимает форму фанатизма: одна частная ценность утверждается, как вся истина, а противоположная отрицается, как чистая ложь.

Реактивное мышление становится великой силой, когда человечество (или какая-то группа людей) опасно приближается к Сцилле; и оно право, предупреждая, что дальнейшее движение к Сцилле ведет к смерти. В этот миг не до тонкостей, не до оттенков. В этот миг надо кричать во всю глотку, как гуси, спасшие Рим: назад! Красный свет! Череп и две скрещенные кости! Таков голос Александра Исаевича в "Архипелаге". Но проходят годы, десятки лет, и вопль истины становится воплем лжи. Потому что напротив Сциллы — Харибда. Потому что непреклонный антикоммунизм так же опасен, как непреклонный антифашизм; и национализм, к которому Александр Исаевич возвращается, ничуть не менее разрушителен, чем интернационализм. Первую мировую войну, с которой все началось, весь "настоящий XX век", развязали не интернационалисты..."²⁶.

Но "интернационалисты" во главе с Лениным, начиная с 1914-го года, упорнейше сражались с любыми проявлениями пацифизма в социал-демократической (международной) среде. И трудно найти в русской публицистике документы, близкие (по их цинизму и бесчеловечности) к тем письмам Ленина 1914—1917 гг. к его соратникам (Шляпникову, Коллонтай и др.), в которых он вопиет о пользе для социалистической революции самых бесчеловечных поворотов войны и о катастрофичности для нее же любых переговоров о мире. Эти письма имеются во всех пяти советских изданиях сочинений Ленина и представляют собой увлекательнейший материал для чтения, но КТО ИХ ЧИТАЕТ? Впрочем, Солженицын — читает. А Г. Померанц?

О реактивном мышлении я уже писала выше.

Но "весь "настоящий XX век" начался не с первой мировой войны (мир переживал уже страшные войны, в том числе в Европе, причем куда более долгие). "Весь "настоящий XX век" начался с провала утопии, бездумно и безответственно вознамерившейся уничтожить плохой и создать идеальный мир. Утопия эта была теснейше связана с экономическими основами жизни. Очевидно, поэтому и Г. Померанц не может оставить их в стороне.

9. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ "КРЕДО"

Г. ПОМЕРАНЦА

Об экономическом аспекте Г. Померанц рассуждает настолько поверхностно, что можно было бы о нем и не упоминать, если бы не все та же ухмылка утопии-оборотня, которая так часто выглядывает из-за его риторики:

"Мировой кризис 1929–1933 гг. показал, что либеральная экономика изжила себя, что без каких-то сдвигов к государственному регулированию производства нельзя обойтись. Сейчас, в 70-е годы, надвигающийся мировой голод говорит о необходимости какого-то нового, интернационального регулирования. Но горький опыт России, бросившейся в регулирование безо всякого удержу, без оглядок на исторически мыслимый оптимум, привел И.Р. Шафаревича к мысли, что социализм – воля к смерти, а Солженицын примерно в том же винит воплощение интернациональных идей.

*И.Р.Шафаревич приводит в пример древние царства, которые погибли, потому что довели регулирование до арацеевских высот административного восторга. Но гораздо больше царств погибло от недостатка регулирования, от анархии. Одна из причин, по которой русский народ многое прощал Грозному, – это память об удельных распрах."*²⁷

Прежде всего, "горький опыт России" еще продолжается, и, главное, СССР его распространяет на остальной мир, в котором весьма сильны просоциалистические иллюзии. Мне уже однажды доводилось писать²⁸, что именно коммунизм (национализаторский социализм) исключает внесение в экономическую жизнь реалистического планирования с "оглядками на исторический оптимум". Мысль же о том, что сегодня необходимо "какое-то новое, интернациональное (курсив мой, Д.Ш.) регулирование" (при том неразличении способов демократической и партюкратической регуляции экономики, которое проявляет здесь Г. Померанц) вообще устрашающа. Нефтяной шантаж не может быть снят "государственным регулированием" производства и продажи нефти, да еще в интернациональных масштабах (создание еще одного сверхмонополиста типа ОПЕК над ОПЕК?). Идеальный способ снятия подобного шантажа демонстрирует история каучукодобывающих районов мира. Суть его – в изыскании западным обществом собственных резервов горючего. Палиативные способы заключаются в ответном экономическом давлении на нефтяных шейхов, причем в давлении неотвратимом, в категорическом исключении

ситуации политического шантажа со стороны нефтедобывающих стран. Для всего этого необходимо решимость и осознание безвыходности бездействия²⁹.

Мне тоже, как и Г. Померанцу, очень далек и кажется необоснованным взгляд И. Шафаревича на психологическую этиологию социализма.

Я полагаю, что это взгляд поверхностный, тенденциозный, с научной методологией данной проблемы имеющий мало общего. Мне уже не раз приходилось текстологически доказывать, что развитие рационализаторских социальных утопий стимулируется не мистическим "инстинктом смерти", а стремлением (можно называть его искушением) раз навсегда упорядочить, переделать, "правильно" "рассчитать" и "хорошо" устроить нашу общую жизнь. Но в том, как Г. Померанц относится к заблуждению И. Шафаревича, явно проглядывает та же тенденция, что и в случае с Якиром и Красиным, в котором сломленные приравниваются к ломающим. И. Шафаревич ошибается, но ошибается он, пытаясь противодействовать социализму, остановить его. Этики социализма он не приемлет. А Г. Померанц, отвергая взгляды И. Шафаревича и А. Солженицына на происхождение социализма, демонстрирует действительную волю к смерти, да еще не к своей (это было бы его личным делом), а всего исторического человечества. И опять из-за его плеча удовлетворенно шерится утопия-оборотень.

"Нравственно то, что полезно революции" – идея, имевшая сперва благородную редакцию, мученическую редакцию. Ради революции шли на виселицы, сжигали себя, как исторический Мышкин (революционер, а не персонаж Достоевского). В истории христианства прошло несколько веков между мученичеством и сожжением еретиков (мешал образ Христа). В истории русской революции мученики очень быстро стали мучителями. Но логика одна и та же: ad maiorem gloriam Dei. Александр Исаевич подчеркивает, что марксизм – ложная вера, а православие – вера истинная. Гораздо важнее другое – свобода от остервенения, от пены на губах в утверждении любой истины и желание понять своего противника. «С этой точки зрения, в споре Т. Ходорович с Л. Плющом я иногда готов встать на сторону Плюща; он больше хочет понять свою оппонентку (не требуя от нее перемены веры), чем она его (непременно требуя, чтобы он растоптал ногами Карла Маркса)..."³⁰ – Примечание Г. Померанца.»

В споре о вере ложной и истинной мне непонятно само сопоставление социальной доктрины с религией. Зверствования церковью возникают тогда, когда их земные отцы начинают присваивать себе функцию светского утопизма — насильственную перестройку людей и жизни соответственно своим критериям. Вырождение революционных мучеников в мучителей происходит тогда, когда задача революционеров не имеет решения. Об этом мы уже говорили.

Разумеется, "свобода от остервенения" и "желание понять своего противника" важны всегда. Но понять — не всегда значит принять и смириться. Изучая марксизм 37 лет (и по сей день), я тоже не принимаю марксистских сентиментов Л. Плюща и твердо уверена, что они исходят из недостаточного знания им Маркса. Не бывает "любой истины" — бывают более или менее удовлетворительные приближения к Истине (с разных сторон и в различных аспектах) и безнадежные, непоправимые уходы от Истины. К числу последних принадлежит, к несчастью для человечества, и марксизм. Всякое серьезное, полное прочтение его источников и собственных текстов лишь утверждает, а не разубеждает в этом выводе.

Ни Маркс, ни Ленин коммунистами не "были поставлены на голову". При ином подходе, чем у Ленина — к утопии Маркса, а у Сталина — к наследию Ленина, нельзя было ни пытаться воплотить в жизнь нечто заведомо в нее невоплотимое, ни укрепить и отстоять возникшее в этих попытках чудовище.

*"Идеи Маркса дали толчок, который привел к Архипелагу. Но при этом Маркс, а отчасти и Ленин, были поставлены на голову. Маркс говорил о насилии, так повзвальной бабке истории, но он не предлагал тащить человека гинекологическими щипцами через всю жизнь до могилы... Поэтому Солженицын не совсем прав, начиная историю Архипелага с 1918 г."*²¹

Это замечание тоже может быть объяснено плохим знанием первоисточников. Маркс и Энгельс предусматривали целую историческую эпоху насилия и революционных войн. Социализм (коммунизм) должен был, по их схеме, победить в международном масштабе. При этом Энгельс писал об уничтожении целых наций, которые окажутся стоящими на пути у коммунистической революции, например, чехов. О целой эпохе кровавого насилия писали и Ленин, и Троцкий, и Бухарин. "Весь мир насилия мы разрушим до основания" — не преувеличение и не метафора.

Речь идет (в десятках вполне однозначно звучащих пророчеств, рецептов и рекоменда-

ций) о насилии, разрушении, уничтожении, ломке всего "старого мира" и лишь после этого — о лепке "нового человека" и новых форм жизни. Неужели Г. Померанцу "основоположники" кажутся настолько слепыми, что он предполагает в них веру в почти ненасильственное (только "толчок") осуществление такой программы? Не "человека" предполагали они "тащить гинекологическими щипцами через всю жизнь до могилы", а человечество — до торжества коммунизма во всем мире. Это они и осуществляют, хотя наполнение термина "коммунизм" для Брежнева, вероятно, иное, чем для Маркса.

Но какая в том разница для поработаемых? Сравнивая и стараясь уравнивать в масштабах и побуждениях белых и красный террор времен гражданской войны, следует помнить, что у белых не было такой задачи, которая потребовала бы в случае их победы перманентного насилия над всем обществом. Зато их поражение стало условием террора непреходящего и неустрашимого. Даже Ленин писал о "20-ти — 40-а годах белогвардейского террора" в случае реставрации, понимая, что вечным этот террор не будет. А тут уже 63, и конца не видно. О том, что существование Архипелага (не книжного, а исторического) Г. Померанц счел возможным сузить до рамок сталинщины, я уже писала. Прав в этом споре не Г. Померанц, а Солженицын.

История "Архипелага" действительно начинается с 1918 года, ибо уже в первых своих декретах Ленин постулировал "революционное правосознание" вместо закона, принудительный труд с жесточайшими карами за уклонение от него, реквизицию продукта труда и имущества граждан и столь широкий набор поводов для репрессий, что сразу же возникла необходимость в концлагерях. Примерно тогда же Троцкий доказывал (с присущей ему разительной имитацией революционного пафоса), что мнение, будто принудительный труд не производителен, есть предрассудок. Военские части, отрезанные от тыла "заградотрядами", отлично сражались. А уж под конвоем трудиться, как он прозорливо предположил, они тем более станут и смогут.

"Лагерное рабство как способ производства" было следствием именно того "революционного сочетания энтузиазма с террором", которому Г. Померанц выдает нечто вроде индугенции. На самой вершине большевистской иерархии даже летом 1917 года никакого энтузиазма не было (перечитайте открытые материалы истории КПСС и сочинения Ленина). В

толще народа и в массе образованных классов его было мало.

После победы октябрьского путча руками функционеров, мобилизованных и сравнительно немногочисленных энтузиастов³² меньшинство сначала дезориентировало, дезорганизовало, втянуло в гражданскую войну, а затем терроризовало большинство народа, которое сопротивлялось, поставляя кадры для лагерей. Использование рабского труда заключенных определялось не "сознательным выбором Сталина". Оно явилось следствием (и неизбежным) непрерывной войны коммунистов со всеми слоями колонизируемой ими страны — войны, включавшей в свое время и борьбу внутри партии.

Да и не безразлично ли, энтузиазм, или расчет, или комбинация того и другого лишают людей свободы всюду, где утопия-оборотень вступает в свои права? Если энтузиазм, то губительный; если расчет, то преступный.³³

Г. Померанц счел возможным лишить Архипелага даже Китай с его примерно ста миллионами разными способами репрессированных людей.

Архипелаг — собирательное название мест принудительного пребывания, заключения и рабства людей (в тюрьмах, в лагерях, в ссылках, в "шарагах", в психзастенках и даже под домашним арестом — пример А.Д.Сахаров... Рабство везде рабство). И даже — запертых в границах страны, которую неслучайно начали называть "большой зоной". Уверена, что часть эмигрантского потока обусловлена несовместимостью человеческого достоинства с подданством у закрытого на замок государства. И если "в Китае было несколько гигантских волн террора, но основные формы — другие: интеллигентов посылали на перевоспитание в деревню и роль вертухаев играли простые крестьяне. Экономические задачи решают не лагеря, а нечто вроде трудов армий (Китай кое в чем разыгрывает дебют Троицкого)"³⁴ — то китайцам от этого не легче, чем русским. И приворожить антикоммунистов к коммунизму это никак не может.*

И уж совсем непонятно, к чему подводит читателя Г. Померанц в следующем утверждении:

"Лагерное рабство достигло масштабов "уколада" или "способа производства" только еще в одной империи, не коммунистической: в

*Третьей империи Адольфа Гитлера. Яростный антимарксизм Гитлера строил лагеря смерти ничуть не хуже, чем яростный марксизм Сталина. Марксисты и националисты старомодной европейской выделки приходили к власти и уходили от власти, но власть не становилась для них напитком ведьмы, и на их совести нет ни Колымы, ни Майданека."*³⁵

Итак, а) Гитлер — антимарксист; б) Гитлер строил концлагеря. Следовательно?.. Подспудная логика тут должна быть такова, что лагеря могут строить и антимарксисты (ранее упоминалось, что нацизм — это тоже антикоммунизм).

А вот европейские социалисты их не строят, хотя и могли бы.

Но ведь Гитлер это и есть европейский социалист, пришедший к монопартократической власти³⁶. А "марксисты и националисты старомодной европейской выделки" к однопартийной внеконкурентной власти ни разу не приходили. И только это спасает западную Европу "от Колымы и Майданека"³⁷.

*"Существование Архипелага, строго говоря, не доказывает тождества социализм — Архипелаг и невозможность демократического социализма, основанного на другом прочтении Фурье, Сен-Симона и Маркса. Развитие свободного капитализма тоже не обошлось без рабства (в колониях, например, в южных штатах Америки). Я не думаю, что рабство негров справедливее рабства з/к. И по масштабам — 3 млн. рабов! — американский Архипелаг сравним со сталинским. Читая книгу о Джоне Брауне, я невольно сравнивал ее героя с Солженицыным. Та же заикленность на своей освободительной идее. Та же ярость борьбы..."*³⁸.

"Строго говоря", "тождество социализм — Архипелаг" и "невозможность" "другого прочтения Фурье, Сен-Симона и Маркса", как и многих других социалистов, доказаны как теоретически, так и экспериментально в XIX-XX столетиях. Допустим, что Г. Померанц мог не читать работ, посвященных этому. Но не знать, что рабство в Америке было отменено как раз развитием американского капитализма и что рабовладение не является непременным условием и спутником капитализма даже на ранней стадии его развития, он не может. Здесь тоже ясно ощутим лишь словесный, риторический параллелизм, призванный вызвать определенные эмоции у читателя.

Боюсь, что вторая центральная мысль монолога Г. Померанца (первая — Солженицын страшней коммунизма) заключена в малень-

* Согласно подсчету китайских эмигрантов в китайском "Архипелаге" находится 16–18 миллионов заключенных. (Прим. ред.)

ком, вроде бы безобидном замечании, затерявшемся среди намеков на близость между антимарксизмом и гитлеризмом:

*"Злодействовала не идея [национальной самобытности или вселенского братства], а ярость, развязанная на полях первой мировой войны. Злодействовал гнев, переставший быть святым и искавший нового предмета ненависти, перебирая старые счеты..."*³⁹.

Итак, идеи коммунизма и нацизма (а не "национальной самобытности" и не "вселенского братства") ничем особенным от хороших вещей, помещенных в скобках, не отличаются? Не имеют особенностей, обрекающих их воплощений на злодейство? "Ярость, развязанная на полях первой мировой войны", ответственна за Колыму, Майданек, "укрутки" всех видов и национальных моделей? Злодействует седьмое десятилетие не "идея", а первая мировая война?

То же самое говорил о светлой идее коммунизма в свое время И. Эренбург:

*"Нет, идее не был нанесен удар. Удар был нанесен людям моего поколения. Одни погибли. Другие будут помнить до смерти о тех годах. Право же, их жизнь не была легкой..."*⁴⁰.

Право, это всего лишь беспринципная казуистика.

Какой идее не был нанесен удар? Какая идея не несет ответственности за преступления партократий XX века? Какие и с кем "старые счеты" сводят идеи, лежащие в основе расизма и коммунистической партократии?

Итак, вторая из двух целеполагающих мыслей, лежащих в основе статьи Г. Померанца: коммунистическая идея как таковая не скомпрометирована попытками ее воплощения в жизнь.

И. Эренбургу реверанс перед неуязвимой идеей продиктован предупредительной самоцензурой. Это понятно. Но если, находясь "там", нельзя печататься даже "здесь", не уклоняясь так непоправимо от истины и от логики, то лучше не печататься "здесь". Ибо тому, что с таким риском печатается "здесь" или обращается в Самиздате, люди привыкли верить. Поверить же, что по прошествии двадцатилетия, отделяющего статью Г. Померанца от мемуаров И. Эренбурга, человек с остроумием и эрудицией Г. Померанца может искренне отстаивать ту же мысль, что и Эренбург в приведенном выше отрывке, очень трудно.

И поэтому — все-таки — С КЕМ ЖЕ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Солженицын не ответственен за своих эпигонов. Сам он в этом утверждении не делает из своего обобщения исключений.
- ² Подробнее об этом ниже.
- ³ Уверена, что если бы немцы второй мировой войны относились к евреям и цыганам хотя бы так же, как к другим народам СССР, относительное число евреев и цыган, перешедших на их сторону, было бы не меньше числа представителей других народов СССР, поддержавших немцев из ненависти к коммунизму.
- ⁴ Рио Прайзнер — чешский профессор, живущий сейчас в США и занимающий кафедру в Пенсильванском университете. Из Чехословакии он эмигрировал в 1968 г. Прайзнер дает во многом иную картину "Пражской весны", чем та, к которой мы привыкли. Его анализ тоталитаризма и ревизионизма весьма глубок, и к нему стоит прислушаться. Р. Прайзнер является автором книги "Критика тоталитаризма", вышедшей в 1974 г. в Риме на чешском языке в издательстве "Христианская академия".
- ⁵ Журнал "Зарубежье", сентябрь-декабрь 1976 г., стр. 26, 28, 29, 31.
- ⁶ Когда я говорю о серийности модернизирующего (ибо действительная новизна здесь не присутствует) мышления, я имею в виду не масштабы дарований и образованности. Как в большинстве направлений мысли, тут есть свои великаны, лилипуты и середняки. Я говорю о стандарте подхода и отклика. Ибо различия и новизна присущи лишь манере выражения, а не позиции.
- ⁷ Ждать от современного коммунизма эволюции (по аналогии с европейской социал-демократией) — занятие не более серьезное, чем неприятие Г. Померанцем солженицынского призыва "жить не по лжи" на том основании (он говорит об этом мимоходом, но он о многих важных вещах в своей статье говорит мимоходом), что Сталин спекулировал словом "правда". Что с того? Сталин — спекулировал, а Солженицын не спекулирует. Разумеется, Г. Померанц прямо этого и не утверждает. Он лишь упоминает, что о правде можно и лгать. Как Сталин. И опять возникает чисто риторическая симметрия (Сталин и правда — Солженицын и правда; Сталин о правде лгал; а Солженицын?..), которая бросает на Солженицына некую эмоциональную тень. Я не считаю максималистский призыв А. Солженицына "жить не по лжи" массово осуществимым. Это путь Голгофы. На него не зовут и не ведут — на него идут. Я не считаю А. Солженицына непогрешимым учителем жизни и тем более — непогрешимым политиком и вообще не представляю себе учителей и политиков непогрешимых. Но все эти риторические фигуры полемическим приемам Г. Померанца убедительности не прибавляют.
- ⁸ "Синтаксис", № 6, стр. 12
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ "Зарубежье", декабрь 1975, № 9 (48), стр. 6.
- ¹¹ "Зарубежье", декабрь 1969, стр. 9. Во втором отрывке знаки вопроса стоят вместо фамилий, ибо в первых четырех категориях: от сторонников ЦК ГБ до оппозиционеров — фамилии названы (применительно к дифференциации писательских и диссидентских позиций конца 1960 г.г.).
- ¹² Там же.

¹³ "Синтаксис", № 6, стр. 57–58.

¹⁴ Там же.

¹⁵ "Синтаксис", № 6, стр. 20.

¹⁶ Я не буду входить в гипотезу возможного (или предначертанного) "конца истории" (Г. Померанц), "бушменизации" мира и возвращения человечества из истории в "этнографию". Хочу лишь заметить: не надо об экологии. Меньше всего именно этот довод может служить в пользу "бушменизации" или диктатуры, якобы замедляющих индустриальную эксплуатацию природы, о чем упоминает Г. Померанц. Мало-мальское приближение к первостепенно сложной экологической проблематике исключило бы эту его ссылку. Диктатура неизмеримо интенсивней эксплуатирует природу, чем пытается уравновесить эту эксплуатацию. "Бушменизация" может замедлить экономический кризис только при камбоджийском решении демографической проблемы: резкое уменьшение народонаселения, скачкообразное снижение потребностей, возвращение к неолитическим формам существования. Нынешнему народонаселению Земли "бушменизация" просуществовать не позволит. Тем более не обеспечит она – так же, как и диктатура – свободы духовного самосовершенствования и "тихого движения внутрь", ибо добывание хлеба насущного опять начнет занимать весь световой день, а всю световую ночь придется спать без просыпа. Кроме того, подсечное и гаревое (после выжигания леса) земледелие и истребляющее растительность примитивное скотоводство экологически не безобиднее, чем хищничество современной цивилизации. Взгляните в экологические обстоятельства Африки и арабского Востока и сравните их с экологическими успехами хотя бы маленького воюющего Израиля. При сохранении современной численности человечества вывести его из современного экологического кризиса могут только наука и технология более проникающие, дальновидные и гуманизированные, чем нынешние. Поистине удивительно тщание, с которым Г. Померанц не упускает ни одного возможного, как ему кажется, довода, способного подкрепить предпочтение демократии диктатуре, борьбы – недействию, напряжения сил – забвению об угрозе.

¹⁷ Эмоционально, внутренне, он никогда этого принципа не абсолютизировал. См. хотя бы страницы о лагерных восстаниях, стукачах и кровной мести горских племен в "Архипелаге". Но декларативно во всех своих публикациях, затрагивающих этот вопрос, он отказывается от военного, силового сопротивления коммунизму. Впрочем, американские военные, отдающие себе отчет в опасности нынешнего соотношения военных потенциалов СССР и США, понимают А. Солженицына вполне однозначно – как друга страны, которую он стремится побудить к эффективной самозащите. "Новое русское слово" (от 12.6.80г.) в статье "Кризис американской безопасности" приводит высказывания американского отставного генерала Элбиона Найта. Генерал Найт, дающий серьезный анализ современного состояния американской безопасности, опирается, помимо убедительной статистики и данных о психологическом климате американского общества, еще и на ряд высказываний А. Солженицына. "Запад теряет нервы, а всякая нация, теряющая нервы, – гибнет. ... Коммунизм остановится только перед мощной стеной сопротивления ему. Но Запад теперь избегает создать такую стену, а время подходит к концу," – так звучит А. Солженицын в восприятии и пересказе Э. Найта. И такое понимание возникает все чаще. На этом фоне какой-то малоприв-

ятной симптоматикой "отдает" усиливающееся неприятие А. Солженицына частью эмиграции и внутренней неподцензурной, как следует думать, литературы.

¹⁸ А мы – о своем? Недавно один честный, смелый и самоотверженный человек писал мне, что посылка в лагерь или семье арестанта полезнее всех сочинений о коммунизме. Но посылки начали массово возвращаться и просто не доходить. Мои – во всяком случае. А слепота, о которой говорит Н. Я. Мандельштам, грозит привести к тому, что посылки неоткуда будет посылать.

Посылки и сочинения о коммунизме не заменяют и не исключают друг друга. И нам вряд ли следует спорить о том, что полезнее – витамины или теория относительности (спор примерно столь же целесообразный и логически законный).

¹⁹ Речь идет о поколении Н. Я. Мандельштам.

²⁰ Не связана ли вдруг оживившаяся и в западной прессе, и в некоторых русских изданиях (я, разумеется, не имею в виду Г. Померанца) кампания против Солженицына с тем, что, во-первых, усилился объединительный, а не разъединяющий элемент его выступлений против коммунизма, а во-вторых, с тем, что он готовит издание сразу нескольких новых исторических романов? Ведь в отличие от надмирных и надтенденционных философов, наш главный и, надо надеяться, общий оппонент зорок и бдителен. Сейчас самое время дискредитировать Солженицына как мстительного обскурантиста и ксенофаба.

²¹ Интересно, почему Г. Померанца не шокирует (или тоже шокирует?) образ обыкновенного полицейского, милиционера или жандарма, оберегающего нормальных людей от воров, хулиганов, бандитов, террористов etc?

И так ли уж плох был бы совокупный "мировой жандарм", который не позволил бы коммунистам оккупировать Афганистан? Или ранее Венгрии и ЧССР? Или – завтра – Польшу? Впрочем, какое там "завтра"? Не с конца ли 1940-х годов оккупирована Восточная Европа?..

²² "Синтаксис" № 6, стр. 22.

²³ Там же, стр. 23.

²⁴ Г. Померанцу их неспровоцированность на это очевидна, а нам здесь очевидна. И убийца, кстати, не приговорен к смерти. Исключение (смертный приговор) сделано только для Эйхмана.

²⁵ С которой Г. Померанц великодушно готов забыть "публицистику Солженицына".

²⁶ "Синтаксис" № 6, стр. 28–29.

²⁷ Там же, стр. 29–30.

²⁸ См. ж-лы "Голос Зарубежья" №№ 10, 11, "22" № 6 и "Время и мы" № 57.

²⁹ Переход на жидкое топливо с использованием собственных запасов угля продемонстрировала в свое время нацистская Германия и демонстрирует сегодня ЮАР, где более 30% потребности в жидком топливе удовлетворяется за счет перегонки угля.

³⁰ "Синтаксис" № 6, стр. 30–31.

³¹ Там же, стр. 41.

³² Как это ни парадоксально, энтузиасты появились на стороне большевиков в основном уже после их переворота, в результате серьезной идеологической работы "верхов" и прессы.

³³ Г. Померанц ссылается на Югославию, где, по его словам, есть социализм, но нет ГУЛага (полицейский террор он игнорирует). Его и здесь опровергает профессор Р. Прайзнер, по словам которого "неизбежно фарисейский образ" "демократического" социализма "предлагает нам югославская система, затянущийся период "висящего в воздухе" перехода к тоталитаризму, система, сохра-

няющаяся благодаря вывозу рабочих за границу и диктаторской власти Тито. "Зарубежье", декабрь 1974 г., стр. 29). Естественно, что столь межумочное состояние возможно надолго лишь для малой страны.

³⁴ "Синтаксис" № 6, стр. 42.

³⁵ Там же.

³⁶ Если Г. Померанц сомневается в том, что Гитлер – социалист и что антимарксист он постольку, поскольку Маркс – космополит (интернационалист) и еврей (еврей – для Гитлера, ибо для себя он антисемит и немец), пусть перечитает "Mein Kampf" и десяток – другой нацистских газет.

"... 7. Мы требуем, чтобы государство взяло на себя обязательство в первую очередь заботиться о зарботке и пропитании граждан.

9. Все граждане должны обладать равными правами и нести равные обязанности.

10. Первым долгом каждого гражданина должен быть творческий труд, умственный или физический. Деятельность отдельного лица не должна нарушать интересов общества, она должна протекать в рамках целого и на пользу всех.

13. Мы требуем огосударствления всех уже (до сих пор) обобщественных производств (трестов).

15. Мы требуем широкого и систематического обеспечения престарелых.

23. ... Газеты, нарушающие интересы общественного блага, подлежат запрещению. Мы требуем законодательной борьбы против направления в литературу и искусство, вносящего разложение в

жизнь нашего народа, и закрытия издательств, которые нарушают вышеприведенные требования. 24. Для проведения всего этого мы требуем создания сильной центральной государственной власти, неограниченной власти центрального парламента над всей империей и над всеми ее организациями.

Вожди Германии обещают неукоснительно бороться за осуществление вышеприведенных требований и в случае необходимости пожертвовать за нее собственной жизнью".

"Социалист – это тот, кто готов стоять за свой народ всеми фибрами своей души, кто не знает более высокого идеала, чем благо своего народа...".

Соавтор приведенных выше тезисов и автор последнего отрывка – Гитлер. Цитирую по книге А. Белинкова "Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша", Мадрид, 1976.

³⁷ Г. Померанц ссылается на израильские кибуцы и на марксизм в Израиле, не породившие, несмотря на их социализм, Архипелага. Кибуцы свободны от государственного диктата и независимо выходят на внутренний и международный рынок. А марксизм пытался, но не обеспечил себе в Израиле "монополии легальности" (как и ни одна другая идеология). Так что пример неудачен: в Израиле пока что партукратического социализма нет. А уж коммунизма – тем более.

³⁸ "Синтаксис" № 6, стр. 43.

³⁹ Там же.

⁴⁰ "Люди. Годы. Жизнь."

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Грани" № 118. Лучшее в номере – 2 рассказа В. Солоухина, особенно "Первое поручение", рисующее эпизод из кошмарной эпохи коллективизации; безо всяких подчеркнутых ужасов – и все же леденящий насквозь! Наоборот, новелла Л. Владимировой о женщине, преследуемой за границей страхом, ввевшимся в нее в СССР, доводящим ее до безумия, – не пугает, а скорее наводит скуку. В дискуссии об альманахе "Метрополь" ближе всех к истине – о. А. Шмеман, указывающий на идейное родство его участников с Сартром и подчеркивающий, что представляемая ими литература выражает "поражение, распад, угасание" и есть литература "не окрыленная", ибо ей нечего "противопоставить торжествующей казенщине". Сходно с ним и тоже дельно высказывается Н. Коржавин, отмечающий, что живое и ценное сейчас в Советском Союзе, это, в первую очередь, проза *деревенщиков*: Шукшина, Белова, Абрамова, Распутина и др. Статья З. Крахмальниковой "Есть ли надежда у России?" сперва заинтересовывает важной темой о духовном возрождении нашей родины, а затем бесповоротно разочаровывает выяв-

ляющей узостью и предвзятостью позиций автора. Так, она полностью обходит молчанием наличие *второй* эмиграции: для нее существуют лишь первая и новейшая. Но нас, вторую, если бы даже и уничтожить, – из истории вычеркнуть нельзя: и в дело возрождения России мы свое внесли; и пути наши были особые. Или еще: на основе чего Крахмальникова приписывает русской Церкви осуждение монархии и мессианизма? Какую Церковь она имеет в виду? Московскую Патриархию под прессом большевиков? Разве что...

И № 119. Литературно превосходная повесть Л. Бородина "Третья правда" (начало сильнее; конец несколько скомкан) принадлежит к такому ответвлению помянутой выше деревенской прозы, которое может появляться лишь в Тамиздате. Идеологически, однако, рассуждения одного из главных персонажей о допустимости для крестьянства особого пути, между белыми и красными, неубедительны совсем; и прав белогвардейский офицер, ему отвечающий: "Народ, он не сам по себе".

Где радостно пляшут у края,
Не веря глазам и тоске.

Где медленно я подыхаю

В прекрасном своем далеке.

Так описывает Запад Н. Коржавин, в поэме "Сплетения", которую бы ему назвать "Тоска по родине". Технически она скорее слабее обычного: хотя в содержании много правды. Курьезно некоторое в ней сходство с типичными мотивами В. Смоленского, столь, казалось бы, непохожего на Н. Коржавина! Что до корявых стихов К. Сапгир, они явно не выполняют намечаемых ею похвальных функций:

Для услаждения Глаза

Для растворения Слуха

Для сотворения Блага.

Судя по рецензии Н. Андреева на новую антологию эмигрантской поэзии, "Вне России", — сей опус никуда не годится; довольно сказать, что в нем отсутствуют Н. Туруверов, С. Прегель и О. Анстей! В разборе иг. Г. Эйкаловичем книги А. Карташева "Воссоздание Святой Руси" прекрасен вступительный параграф: "Как былинный богатырь, будучи раненым, падал на мать сыру землю и получал от нее исцеление и восстановление сил, так и русский народ, для сохранения своего лица и своего имени, должен прибегать к идеологии Св. Руси, которая неоднократно уже его спасала от гибели". Зато удивляют дальше слова будто бы: "Церкви дано было глотнуть свежего воздуха полными легкими — в период Всероссийского Собора 1914–1918 гг." Чем это обернулось, — нам всем известно; неужели почтеннейший игумен Геннадий того не знает?!

Доказывает нам без всякого пристрастия
Необходимость самовластия

И прелести кнута, —

сказал про Карамзина почти наверняка не Пушкин, а кто-то из его гораздо менее талантливых современников. Александр Сергеевич, — а ему и вирши Баркова приписывали сплетники! — категорически утверждал, что он сочинил только одну и притом безобидную эпиграмму на Карамзина, имея в виду, очевидно, ту, что кончается словами:

И, бабушка! Затеяла пустое,

Докончи лучше нам "Илью—Богатыря".

При всем том, нельзя отрицать, что создатель "Истории Государства Российского" был убежденным сторонником монархии и самодержавия; даже с добрым намерением его оправдать и извинить (нужно ли это?), как делают А. Орлова и М. Шнеерсон, в своей, в остальном весьма недурной, статье об опере Мусоргского "Борис Годунов". Сходные ноты чрезмерной и неразумной левизны звучат в

длиннейшем предисловии Е. Брейтбарт к миниатюрным отрывкам из книги В. Шульгина "Годы" (в книгу, впрочем, не вошедшим...). С неповторимо советской интонацией, она его именует *махровым* монархистом и ставит ему в заслугу участие в позорном вымогании у Государя Николая II отречения от трона... Но, слава Богу, этот богато и многогранно одаренный и благородный по натуре человек, каковы бы ни были его ошибки и заблуждения, имеет в истории и другие заслуги, за которые его и помянут потомки.

"Современник" № 47–48. Поставим Ю. Григорову двойку по латыни. Второстепенные поэты называются *poetae minores*, а не *minores*! Неудивительны его протесты, зачем я поправляю ошибки в орфографии и слоге в эмигрантской печати. Но если не я, будут поправлять другие. А не будет никто, — скатимся вовсе в канаву. На беду, невежество у него сочетается с самоуверенностью: он поучает якобы недостаточно культурного Бродского (хотя тот, кажется, латинский язык знает лучше), меня же распекает за то, что я пишу со своей (а не его) точки зрения, которая состоит в верности имперской и императорской России. Вряд ли эти упреки кого изумят: я своих взглядов никогда не скрывал. Об этой верности могу сказать словами Брюсова о любви:

Блажен, кто принял посмеянье

И стыд, и гибель за тебя!

Впрочем, гибелью мне гнев Григорова покамест, пожалуй что, не грозит. Мы живем не на советской Украине времен *коренизации*, где штрафовали и сажали за употребление русского языка даже в частной переписке... Отвечу моему почтенному оппоненту фразой Суанина:

Предателя, мнили, во мне вы нашли?

И заверю его, что я национальной изменой не занимаюсь. Относительно транскрипции иностранных имен трудно согласиться с Григоровым, будто нужно всегда следовать произношению страны, где человек живет. Неужели если *Киссингер* переедет в Мексику, то станет *Киссингером*, и если потом переберется на Ривьеру, то превратится в *Киссенже*? И как быть, скажем, с польским ученым, если он обитает в США, а статьи публикует по-польски и по-французски? Ах, не проще ли считать, что фамилии даются раз навсегда, и географическим изменениям не подлежат!

Таков я прежде был, таков и ныне я...

Критика Григорова на Бродского отчасти и справедлива; признаем, что тому противопоставлено трактовать о Марии Стюарт, о коей он

изрекает одни вульгарные и неприличные пошлости (скорее из глупой позы, чем по неосведомленности). Только Григоров судит творчество Бродского *по низам*, разбирая его самые слабые вещи, а более удачные оставляя в стороне, как "Сретение", "Новый Жюль Верн", "Письмо Овидия в Рим".

К. Акула, в виде отрывка из романа под заглавием "Гараватка", дает ряд небезынтересных картинок из быта оккупированного немцами Минска в годы второй мировой. Попутно он затрагивает спорный вопрос, надо ли белорусски говорить и писать *гарбата* (слово латинского происхождения, усвоенное через Польшу) или *чай* (севернокитайское слово, пришедшее через Россию). Полагаем, то и другое вполне допустимо, в качестве синонимов. Выкинуть *гарбату* (к чему, видимо, склонен Акула) неуместно, поскольку крупнейшему мастеру белорусского стихосложения, М. Богдановичу, доводилось в сырую, холодную погоду мечтать:

Заварыць-бы гарчай гарбаты,

Разагрэць-бы хутчэй самавар.

Литературный этюд А. Гидони "Маяковский и Евтушенко" сделан весьма недурно и во многом интересен. Остается все же чувство, что автор ничего не доказал. Считать Маяковского жертвой советского режима в какой-то мере и верно, но... он уж слишком долго и усердно оному режиму служил, почти полностью на это истратив свой большой талант (какового, в общем, никто всерьез не оспаривает). О чем трудно забыть: пусть бы даже нам и хотелось... А что до Евтушенко, то: некоторые поэты прежнего периода верили в большевизм; и поэтому непосредственное чувство оживляло их стихи, хотя они и служили ложному кумиру. Евтушенко же (как вроде бы и сам Гидони думает) уже не верит и лишь притворяется; почему и не в состоянии больше настоящую поэзию творить. В критическом отделе, выделим отличную статью Е. Вертлиба о славянофилах.

"Новый журнал" № 140. В текущем отрывке своих воспоминаний, Р. Гуль изображает драматический период прихода к власти и первых шагов национал-социализма в Германии; сам он, по зловещему недоразумению, попал в тот момент в концлагерь и смог наблюдать новый строй с наиболее неприглядной его стороны. На основе 15-летней жизни среди немцев и глубокого знакомства с их национальным характером, Гуль находит правильным мнение социал-демократа Ф. Эберта, настаивавшего на сохранении германской монархии, и с горечью

приоритет неумные действия версальских победителей, дравших с поверженных контрибуции и репарации, не задумываясь о последствиях. Глава из романа Г. Сомова "Пушкин" посвящена отношениям между Геккерном и Дантесом. Маловероятно, чтобы этот последний не умел объясняться по-немецки: он был эльзасец и, по свидетельству Мериме, по-французски говорил с заметным акцентом. Семья его, первоначально буржуазная, получила дворянство лишь в XVIII в., и вряд ли когда была во Франции *близка ко двору*. С. Пушкирев, описывая свое участие в гражданской войне, с умилением вспоминает, как пел:

Мы о прошлом не жалеем,

Царь нам не кумир.

Вся Россия вскоре сильно пожалела о прошлом, — и с полным к тому основанием! Конечно, не к чему скрывать ошибки Белого Движения, а все же — всегда грустно о них думать... Публикация переписки между Р. Гулем и Г. Ивановым вызывает мысль, не является ли она преждевременной: речь идет о людях недавно умерших или еще живых; а факты и отзывы, о них сообщаемые, не всегда лестного рода.

И № 141. Сам Пушкин у Г. Сомова, в очередном фрагменте, вовсе нехорош: на деле, он говорил и писал умно и ясно, а тут — *думает* косноязычно и сумбурно. Грубые, вульгарные скандалы в более или менее пьяном виде, с мужчинами и женщинами, — для нашего великого поэта не типичны и не правдоподобны. Как и его отношения с невестой, в интерпретации Сомова; да и семья Гончаровых вряд ли являлась *настолько* примитивной и пошлой, как она здесь представлена: дворянские барышни той высоко культурной эпохи не так держались и не таким языком выражались. Определенно чувствуется, что автор взялся живописать среду, ему совершенно чуждую и непонятную (а источники, видать, изучил слабо, или воспринял превратно...). "Невозможная миссия" Л. Сердаковского содержит весьма любопытный отчет об его поездке в Берлин и затем в Финляндию, в 1942 г., по поручению, как он сам определяет, "берлинского белогвардейского руководства" и об его переговорах с Маннергеймом о возможности добиться изменения германской политики в оккупированной части России, в которых тот проявил полную готовность ему пойти навстречу, но оказался не в состоянии активно помочь. Ценна фактическими данными статья Д. Левицкого о положении русских в независимой Латвии, которое, если несколь-

ко и изменилось к худшему, оставалось все же, надо признать, весьма благополучным и, наравне с Эстонией, лучшим, чем где бы то ни было в Европе. Помню по опыту, какими свободой и уютом веяла жизнь в Прибалтике на приезжавших из СССР во время Второй мировой. И то, что в устах латышей и даже русских в те годы слова *Ulmana laika* ("при Ульманисе") проносились с острой ностальгией, несмотря на все теневые стороны, какие его режим мог в реальности иметь. Относительно статьи И. Качуровского об искусстве стихотворного перевода в СССР, как и относительно статьи А. Опульского в № 139 "Нового Журнала", на которую он ссылается, выскажем мнение, что переводы Жуковского и его современников были бесконечно выше по качеству, чем нынешние: метрические и даже смысловые отступления искупались художественным совершенством; читая же теперешнюю серую стряпню советских перелазателей (о, далеко не всегда верную и смыслу!) публика никак не в состоянии ощущать ни силы, ни прелести оригинала.

"Новое Русское Слово". Поверхностный и малосодержательный очерк А. д'Альби о Джозефе Конраде, "Судьба моряка", полон ошибок и неубедительных гипотез. Место рождения писателя известно: имение Дербчинка под Бердичевом. Родители окрестили его Юзефом, а не *Джозефом*: поелику он был поляк, а не англо-сакс (позже он свое имя англоязычил сам). Мать его умерла не в Вологде, а в Чернигове. Отца, сосланного за призывы к восстанию, власти не могли *перевести в Краков* (принадлежавший Австрии!); он туда добровольно уехал, после освобождения. Конрад читал книги Марриета, а не *Мэрриота*; и тот, не меньше, чем Гюго, повлиял, видимо, на его решение стать моряком. *Разгульной жизни* Конрад никогда не вел. В романе "Тайный агент" речи о морской службе нет совсем. Вряд ли автор знаком всерьез с творчеством Конрада: ибо, перечисляя его романы, включая слабые и мало известные, как "Победа" и "Скиталец", не упоминает "Случай", одну из лучших его вещей, имевшую в Англии бурный успех, а равно и специально любопытный для русских роман "На взгляд Запада", из быта революционеров царского времени; ничего не сказано и об его замечательных рассказах, часто превосходящих по качеству романы. Вопреки мнению А. Сокольского, в его путевых набросках "На Гавайских островах", название *Гавайи* не означает *место осуществленной мечты*. Оно

есть перенесенное на новое обиталище имя старинной, исходной родины полинезийцев, звучавшее, вероятно, раньше как *Саваики* и применявшееся к стране, расположенной далеко на запад, у берегов или в пределах Азиатского материка; подлинный же смысл данного имени никому неизвестен. Жаль, что автор не останавливается на деталях возмутительной истории аннексии гавайского королевства Соединенными Штатами; впрочем, американец Джемс Миченер ее правдиво рассказывает в своей превосходной книге "Hawaii".

"Русская мысль". По поводу *исторического романа* "Если бы..." Ю. Иваска, бесконечные извлечения из коего нам тут предлагаются, хочется повторить автору слова, которые в его повествовании Сезанн *прохрипел*, обращаясь к главному его персонажу, Афанасию Красно-го:

— Merde... Merci...

"Новый Американец". Коробит само название этого еженедельника, снабженного подзаголовком "America's Only Jewish Russian Language Weekly". Мыслимо ли в Европе вообразить себе *русскую* газету "Новый француз" либо "Новый Немец"? Или — ее читателей? И неприятно читать под пером Г. Вильдгрубе, что "американцы — лучше нас, нормальнее, человечнее". Гитлеровцы считали население России унтерменшами; но мы сами под подобной оценкой покамест никогда не подписывались! Выделяется большая статья М. Шнеерсон "Евреи и Россия", спорная, но основательная и интересная, заканчивающаяся цитатой из Галича: "Я уезжаю из Советского Союза, но не из России". Ужасна в газете транскрипция иностранных имен; упоминаются какие-то американские спортсмены Вэйн Гретцки и Питер Счастны; почему не Грецкий и Счастный? С точки зрения английского языка, данные комбинации на *И* и *Ы* ничем не лучше; а в русском тексте — нестерпимо режут глаз. А. Янов, под заглавием "Конфоризм и эмиграция", осыплет бранью Р. Гуля, М. Агурского, М. Бернштама, А. Глезера, Б. Парамонова, А. Солженицына, В. Максимова, В. Орехова, С. Рафальского, Н. Струве и В. Рудинского. С последними двумя у него не все гладко вяжется, когда он их честит как "мумифицированные обломки великой эмиграции", которые "прошли через ужас увлечения фашизмом в 1920-30-е годы". Н. Струве — не столько обломок, сколько отпрыск старой эмиграции, — в 20-е годы еще и на свет-то не появлялся, а я в них пешком

под стол ходил, да и то в СССР, на Запад же попал со второй волной.

"Наша Страна". Коротенькая заметка А. Ефимовой "О соблюдении традиций", в № 1620, включает необычайно глубокие и верные мысли о терпимом подходе православной Церкви к пережиткам язычества (постоянно вводящем в соблазн людей узких и фанатичных, склонных к религиозному рационализму): "Многочисленные... древнейшие обряды наблюдательные, чуткие и умудренные иерархи наши не только не преследовали, но и "поглотили", "отождествили", "приноровили" к церковным, почувствовав их превосходящее христианство вполне созвучное содержание..." В силу чего и сохранились для нас "чудесные эти колядки, христославление, радоницы, масленица, свадебные и крестильные обряды, поминание и пр.". Справедливо отмечает она и то, что сходное отношение к старине проявляли часто и католики. Статья в том же номере А. Коробова "Черный бизнес" отражает вкоренившиеся у русской публики за рубежом враждебность и настороженность насчет детективного жанра, в огульной своей форме плохо обоснованные фактами. Ни детей, ни молодежь, ни взрослых наверное никогда не развращали рассказы Конан Дойля или Честертона, где высшей задачей представлена борьба в защиту общества с преступлением и грехом! Ни даже романы Леблана о благородном бандите Арсене Люпене, покровителе угнетенных и обиженных. Притом, оба эти литературные рода стары как мир, в Европе и в России; и нет четкой грани между ними и психологическими романами Диккенса

и Достоевского или "Дубровским" Пушкина. Что этот вид литературы, подобно и всем другим, разлагается в наши дни на Западе, и начинает служить целям оглушения и развращения масс, связано с потерей моральных устоев здешним обществом; в чем и надо искать подлинных корней *черного бизнеса*...

"Борьба" № 78—79. Можно целиком согласиться с "голосом украинца" В. Головина ("Законные права Украины"), что *подлинные сыны свободной Украины* суть в то же время *сыны свободной великой России* и что они "вечно будут хранить память о Малороссии, как государстве добровольно, а не насильственно присоединенном к России!" Хотелось бы верить его утверждению, что: "Большинство украинских эмигрантов сегодня понимает и признает, что между народностями Великой России лежит кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допустит нарушения их политического и общественного единства". Относительно статьи В. Пирожковой "О народе и возрождении", напрашиваются следующие мысли: 1) Если рухнет большевизм, возрождение России произойдет само собою; шелуха пропаганды, обмана, дезинформации спадет с глаз; а сердце народа окажется то же, что прежде, в веках; 2) Пока советская власть существует, процессы возврата народа к вере и правде, к историческим истокам и традициям, и особенно растущая откровенность и явность данных процессов сильнейшим образом расшатывают советский режим и приближают момент освобождения от него нашей родины.

РЕЦЕНЗИИ

ПРОТОИЕРЕИ Д. КОНСТАНТИНОВ "ЗАПИСКИ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИКА" (1980 г., 76 стр.)

Эта небольшая книжечка богата, однако, содержанием. Автор рассматривает проблему Власовского движения с принципиальной точки зрения, описывает атмосферу власовской школы в Дабендорфе, возникновение и постепенное церковное оформление института военных священников, духовно окормлявших воинов Русской Освободительной Армии и, наконец, краткое описание последней трагедии этих освободительных сил.

Несмотря на большое количество книг о Власовском движении, сущность его многими еще не понята. Мне например, говорили неко-

торые ярко антикоммунистически настроенные евреи из третьей волны, что если бы Освободительная армия начала победоносно продвигаться вперед, то это означало бы гибель их и их родных. Но это-то как раз и есть огромная ошибка! Власовское движение было полностью лишено элементов антисемитизма, напротив, власовцы спасли многих евреев, скрывая их в своих рядах.

Может быть, возразят нам, но они были в подчинении национал-социалистического руководства и должны были бы делать то, что им прикажут. В вышедшем в Мюнхене журнале

”Вече” И.Иванов в статье ”С кем мы?” пишет о власовцах и других русских антикоммунистах того времени: ”Однако вскоре они обнаружили, что очутились в западне, ибо на поверку оказалось, что пошли в услужение политическому режиму, считавшему борьбу с коммунизмом однозначной борьбу с русским народом”. (стр. 9). Но в том-то и дело, что **не пошли в услужение!** Если б пошли, что национал-социалистическому руководству было бы очень легко, тогда не возникли бы все трудности и трения с Власовским движением, тогда эту миллионную армию пустили бы на восточный фронт: почему же не использовать пушечное мясо? Именно потому и не пустили, что не была эта армия и ее руководство пушечным мясом, не пошло в услужение, как по-советски легкомысленно пишет автор означенной статьи, — а соглашалось только на равноправный союз, на такой, при котором Русская армия на занимаемой ею территории была бы сама хозяином и по мере увеличения этой территории и притока новых сил организовывала в ходе борьбы новое российское государство, свободное, а не подчиненное коммунистической диктатуре, но так же и не подчиненное нацистской диктатуре. На территории, которую занимала бы эта армия, евреям нечего было бы бояться.

На это можно возразить, что это была иллюзия. Да, это оказалось иллюзией, но могло бы ею и не быть. Гитлер мог погибнуть во время покушения 20 июля, а с его противниками у власовцев были контакты. Наконец, эта армия могла бы быть понятой союзниками.

Так, в главе ”Духовная обстановка” о Д. Константинов пишет: ”Многие надеялись на своего рода чудо: на такое стечение обстоятельств, когда история отпустит нам хоть немного времени для создания собственной армии, которой можно было бы продержаться до того момента, когда отношения между западными и восточными союзниками начнут портиться и они по-иному начнут относиться к российскому освободительному движению. Отношения, как известно, начали портиться, но, увы, было уже слишком поздно. Освободительное движение было разгромлено соединенными усилиями Востока и Запада. (стр.35).

Задним числом, когда надежды не оправдались, легко утверждать, что они и не могли оправдаться, но тогда это не было так ясно. Тем более, что национал-социалистическая диктатура была в то время, через 8 лет после того, как Гитлер взял власть, несравненно менее тоталитарна, чем коммунистический режим в Совет-

ском Союзе на 25-м году своего господства. Достаточно сказать, что германская армия была беспартийна, и каждый член партии, вступивший в армию, все равно, как офицер или как солдат, временно выбывал из партии. В Советском Союзе дело обстоит как раз наоборот: армия пронизана партиями, и офицеры более высоких чинов должны быть непременно членами партии. В этой беспартийной немецкой армии были офицеры вплоть до генералов, которые понимали разницу между русским народом и коммунистическим режимом. Среди офицеров было даже немало русских или балтийских немцев, в прошлом офицеров русской армии. Они помогали российским освободительным силам **вопреки** партии и вопреки расовому сумасшествию Гитлера. Так могли возникать островки вроде Дабендорфа, школы власовцев под Берлином. ”С людей легко спадала та своего рода ”кожа”, которую на них искусственно надела советская власть. Убогий псевдо-духовный мир марксистско-ленинского начечничества, сочетаемый с обязательными особенностями ”подлинно-советского” человека, исчезал буквально на глазах. Под ним быстро проявлялось нечто совсем другое. Другим же были прежде всего неистребимый патриотизм, любовь к России и решительное отталкивание от большевизма”. (стр. 31). Наряду с отталкиванием от большевизма шло и отталкивание от нацизма, поэтому Гитлер этой армии и не доверял. Ее российский патриотизм не стоял под сомнением. И здесь автор упомянутой статьи ”С кем мы?”, одним легкомысленным мазком исказив всю ситуацию власовцев и других антикоммунистов того времени, так же односторонне и легковесно присваивает патриотизм только тем, кто сражался в советской армии, заявляя, что им-то легко было сделать выбор, хотя им предлагали только национальный суррогат. ”... есть высокий смысл жертвенности, несмотря на то, что знак ордена Суворова представляет собой по форме пятиконечную советскую звезду” (”С кем мы?”, стр. 9). Не закидывает ли тут автор удочку насчет будущей жертвенности под знаком пятиконечной советской звезды? Да, смысл в жертвенности советских солдат несомненно был, и высокий. А его не было в жертвенности власовцев? И так ли легко было принимать решение сражаться в советской армии, — решение, к которому российских солдат буквально принудил Гитлер своей политикой, — при мысли, что плоды их жертвенности и победы соберет кровавый Сталин и что они на своих штыках несут не только очищение своей земли от немец-

кой армии, но и долгое порабощение соседним народам и странам? Думаю, что для многих решение было очень и очень нелегким, как на одной, так и на другой стороне. Легкомысленное упрощение и одностороннее искажение этой великой трагедии никому не принесет пользы. Чтобы покончить со статьей "С кем мы?", отметим, что хотя автор заявляет, что "мы" со свободным миром, но сначала эмоционально накаливает читателя против этого самого свободного мира, весьма преувеличивая склонность западных политиков (суммарно) смешивать "советское" и "русское" — склонность эта сильно меняется в зависимости от партии. Так, социалист Гельмут Шмидт говорит только "русские", христианский демократ Конрад Аденауэр говорил только "советские". Хотя его наследники в этом вопросе и грешат, но, естественно, не так, как социалисты, которые не хотят признать крушения своей собственной доктрины. Но больше всего в этом пункте грешат не западные политики, а очень многие из "третьей волны" и не только левые. Об этом автор не говорит ни слова, обрушивая всю свою ярость на Запад. Отчего так? И неправ он, считая единственной задачей эмиграции учить западных политиков различать между "советский" и "русский": самой важной задачей было бы разъяснить западным политикам в деталях тактику мирового коммунизма, тогда отпало бы само собой и вредное отождествление "русский" и "советский", но в решение этой задачи никто из третьей волны еще не внес своей лепты.

Вернемся, однако, к рецензируемой нами брошюре о. Д. Константинова. Как еще можно охарактеризовать духовную атмосферу во владовской школе? "Негативно-общее и совершенно искреннее отрицание большевизма, стремление сделать все возможное в человеческих силах для изменения положения в России. Безусловно, положительный идеологический спектр не был един, начиная от крайне монархических взглядов представителей первой русской эмиграции и кончая лицами, у которых будущее России представлялось в виде советской власти без коммунистов, — нечто напоминавшее тезисы восставших кронштадских матросов. В этом не было в сущности ничего отрицательного, ибо это была антибольшевистская школа свободного политического мышления, направленного на Россию, жившая в условиях гитлеровской диктатуры. Один из интересней-

ших парадоксов, над которым пока мало кто задумывается; однако он будет представлять исключительный интерес для будущих историков". (стр. 29—30).

Какие это были ценные начинания! Тогда советская "кожа" соскакивала с людей скоро, и не только во владовских школах. Теперь, после десятилетий советского воспитания, оно, как кажется, у многих ушло под кожу и не соскакивает даже тогда, когда они искренне отворачиваются от идеологии и от режима.

Для священника особенно важным был, конечно, вопрос отношения этих людей к религии. О. Д. Константинов отмечает, что многие были безразличны к религии, многие были фактическими атеистами, но воинствующих безбожников не было. Было, однако, и немало верующих, и их становилось все больше и больше. "Одновременно явно появился интерес к вопросам мировоззрения, вопросам религии. Начался процесс переоценки духовных ценностей, пересмотр устоявшихся, привычных, вбитых назойливой советской пропагандой норм. Все это сочеталось с элементарной неграмотностью в области религиозных вопросов, отнюдь не помогавшей, но весьма мешавшей делу воцерковления РОА." (стр. 33). Но все же воцерковление шло быстрыми шагами, а вместе с ним рос внутренне и учился молодой священник, сам автор этой брошюры, который до рукоположения в силу обстоятельств не мог получить обширного богословского образования. Но времени этому росту, этому вращению в Бога и Церковь было отмеряно очень немного. Ничего не понявшие в том, что происходит, западные союзники помогли разгромить освободительные силы, а милостью Божией выживший автор брошюры был заключен по ложному доносу в тюрьму американцами и долгое время был на границе выдачи и гибели. Но как раз это дало ему силы. Закончим рецензию последним абзацем его брошюры: "Ощущение богооставленности, человекооставленности, непонятной вражды и ненависти от людей, которым я лично ничего плохого не сделал, и многое другое, пережитое промыслительно в эти годы, дали мне в конечном итоге те силы, которые так же промыслительно были использованы мною на служение ценностям, которым я отдал всю жизнь." (стр. 76).

В. ПИРОЖКОВА

”НОВЫЙ ЖУРНАЛ”

В Нью-Йорке существует ”Новый Журнал”, основанный в 1942 году М. Алдановым и М. Цетлиным. С 1946 года его редактором был М. Карпович. Одним из его преемников, ныне единственным, стал Роман Борисович Гуль, благодаря которому журнал, несмотря на неизбежные затруднения, издал свою 141-ую книгу.

Содержание журнала всегда было разнообразным. Литература и поэзия объединились в нем с историей и воспоминаниями. Одно было неизбежно общим — журнал всегда был и остается голосом, не допускающим малейшего сближения с поработившим Россию коммунизмом.

В его — надо надеяться — не последней книге два документа особенно привлекают внимание. Один из них — воспоминания ныне покойного Льва Викторовича Сердаковского о его

нелегкой поездке из Югославии в Финляндию в разгаре войны Гитлера со Сталиным. Ярко им описаны преодоленные преграды и те дни, когда ему удалось быть принятым несколько раз возглавлявшим тогда Финляндию маршалом Манергеймом.

Второй документ, опубликованный ”Новым Журналом”, состоит из воспоминаний неизвестного автора, в прошлом заключенного коммунистами в Соловецком лагере и бывшего там свидетелем невероятной жестокости советских палачей и гибели их бесчисленных жертв. Его рукопись, никем не подписанная, хранится ныне в Женевской публичной библиотеке.

По своему историческому значению сообщения Л. В. Сердаковского и анонимный документ, хранящийся в Швейцарии, заслуживают внимания тех, кому не безразлична история России.

С.Л.ВОЙЦЕХОВСКИЙ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

УРОКИ ”НЕЗРИМОЙ ПАУТИНЫ”

”НЕЗРИМАЯ ПАУТИНА” Б.Прянишникова должна была бы стать настольной книгой каждого, кому не хочется попасть в советский капкан. Ее уроки имеют большое значение, вынуждая нас сделать нижеследующие выводы:

советские карательные органы борются прежде всего против организаций. Чем противник организованней, тем он для советской власти опасней и тем быстрее и радикальней она стремится такую организованную силу разложить.

Периферии чекисты придают второстепенное значение. Главная работа по разложению эмигрантских организаций происходит сверху, путем инфильтрации провокаторов в центральное руководство. Опперпут, Якушев, Скоблин, Казем-Бек — все действовали не на низах, а в главном руководстве разлагаемых ими организаций.

Провокаторы стремятся убедить своих врагов в ”изживании” марксизма, в его ”эволюции”. С этим связана ставка на ”правящий слой” (не класс!), который якобы ”переродился” и стал ”конструктивным”. Далее следуют рассуждения о том, что в марксизм больше никто не верит (десятки миллионов безбожников не упоминаются), а следовательно, идеологическая борьба ни к чему.

Ни один из описанных в ”НЕЗРИМОЙ ПАУТИНЕ” провокаторов никогда ни слова не сказал о необходимости разоблачить лживость и абсурдность марксистского вероучения (Ком. Манифест, диамат и т.п.).

Провокаторы стремятся не к роспуску организации, а к выхолащиванию ее деятельности. Ведь люди, ушедшие из полуразвалившейся организации, могут создать новую, и тогда советской разведке опять надо начинать все сначала: — засылать в руководство провокаторов, придумывать новые легенды... Гораздо проще и удобней иметь безопасную организацию, работающую на холостом ходу. Главной предпосылкой для работы на холостом ходу является, судя по урокам ”НЕЗРИМОЙ ПАУТИНЫ”, отказ от критики марксизма, под тем предлогом, что он якобы ”изжит”.

Г.Н.

Многоуважаемая Вера Александровна!

Стал одним из постоянных читателей Вашего журнала "Голос Зарубежья" и разделяя его направление, я хотел бы высказать свое мнение по некоторым вопросам, которые, с моей точки зрения, актуальны сегодня.

В единении наша сила.

У Льва Толстого есть рассказ о поучении отца своим детям. Великий писатель земли Русской предложил детям попробовать переломить веник, но никто не смог этого сделать. Тогда отец развязал веник и предложил переломить каждый прутик в отдельности. Дети легко справились с заданием. Отец поучал: все вместе – мы сила.

Этот рассказ я вспоминаю каждый раз, размышляя о нас, эмигрантах из Советского Союза (эмигрантах разных периодов, всех трех волн, которые, к сожалению, разобщены и даже антагоничны по отношению друг к другу). Не случайно протоиерей Д. Константинов в №16 "Голоса Зарубежья" пишет: "Мы ... далеки от отрицания роли и значения первой волны... Но мы категорически выступаем против недооценки... второй эмиграции, пренебрежительного отношения к ее тоже интеллектуальному сектору." Далее говорится, что третья волна, видимо, плохо знает историю эмиграций и "пока активности третьей волны по сравнению со второй куда меньше." (стр. 3–4).

Многое разделяет "волны" эмигрантов. Особенно в третьей слышна разногласия. Все это, с одной стороны, понятно и объяснимо. С другой, имея в виду общие задачи и конечные цели – борьбу и победу антикоммунизма, – не оправдано, ибо ослабляет нашу силу, наносит колоссальный урон. Не пришла ли пора подойти к взаимопониманию и, при свободе мнений, определить принципиальное, прийти к главному (замечу в скобках: порою споры внутри эмиграции идут из-за непонимания друг друга, а иногда это терминологические споры. Следует не забывать, что живем мы в конце 80-х гг. XX-го столетия, т.е. когда накоплен колоссальный политический опыт и проведены эксперименты социальных систем...).

Я – один из представителей третьей волны. Последняя волна по своей сути особая: и по своему составу, и потому, что она прошла суровую школу социализма. Этого нельзя не учитывать. Над ней хорошо поработал "ОВИР", "вытравил" в первую очередь стариков, больных, а также тех, кто никогда не был (и не мог быть) украшением общества. Не исключено, что главным образом среди последних есть горстки "лазутчиков" и кагебистов. Третья волна – это люди психически, морально, физически надломленные, не зараженные идеями социализма и коммунизма, скорее разочаровавшиеся в них, враждебные коммунистической идеологии. И вместе с тем несущие в себе все то отрицательное, что этот строй (советско-партийный) порождает. Необходимо подчеркнуть: в третьей волне много людей, имеющих высшее образование, хороших специалистов разных отраслей производства и культуры, представителей науки, общественно-прогрессивных деятелей, хотя не все из них и не всегда открыто проявляли свое отрицательное отношение к строю, к партии коммунистов, но которые после долгих и тяжелых лет жизни в СССР, перенесенных унижений и преследований вырвались на свободу.

Соглашаясь с о. Д. Константиновым, что "никакая эмиграция не бывает целиком политической активной", вместе с тем считаю, что в новых условиях, в условиях свободного мира, политическая активность эмигрантов, осознавших, что социализм враждебен человеку, – может стать действенной силой. С моей точки зрения, "Голосу Зарубежья" (и всем эмигрантским изданиям) следовало бы помочь развитию этой активности и тем расширить усилия антикоммунистов. Потенциальные возможности у третьей волны налицо, хотя на многих из них лежит груз прошлого: боязнь, индифферентизм, неуверенность в том, что они могут многое сделать...

Поддерживая призыв А. Федосеева в его воззвании "Свобода или рабство" (Г.З. № 18, стр. 16–18), хочу особенно подчеркнуть значение пункта 2 его выводов: "Нужно создать и развить до предела средства идеологического наступления свободы на рабство социализма, как на самом Западе, так и вне его".

Третья волна не может, не должна быть пассивной. Стать активной, наступательной силой – ее задача. Конечно, все это не просто. Знаю по личному опыту.

*Мне выпал очень тяжкий жребий:
Лишь в сорок я осознал всю наготу,
Всю подлость коммунистических отребий
И их духовную пустоту.*

*Я понял, что их все догматы
Лишают права и дышать и жить,
Что мы во многом виноваты —
Сатрапам позволяли нас душисть...*

Рассматривая проблемы деятельности эмиграции, всегда следует помнить о ее причинах. Эмиграция — один из очень сложных процессов нашей жизни. Нельзя рассматривать эмиграцию как бегство. Нет, это осознанный путь при жизни. Это восстание и начало борьбы (кто ее ранее не начал), в новой сфере, в новых условиях.

Эмиграция из России имеет почти двухвековую историю, но эмиграция, начавшаяся после захвата власти большевиками в 1917 г. и продолжающаяся сейчас, — совершенно новое явление, оно стало политическим фактором. И разве неверны слова Ивана Бунина, сказанные в Париже еще в 1924 г., о великой миссии русской эмиграции, когда "сотни тысяч восстали вполне сознательно и действенно против врага, ... притязавшего на мировое владычество..."

Сегодня — это борьба на два фронта. Это разъяснение Западу, кто есть кто в Советском Союзе, и борьба с социализмом как мировым злом, когда не призрак коммунизма бродит по Европе, а его танки бороздят землю, самолеты летают, пренебрегаются границы, солдаты-оккупанты на многих континентах мира...

Это борьба против политической слепоты наших родных, близких, соотечественников, оставшихся там, в СССР, в неволе.

Пришла пора всей третьей волне эмиграции глубже осмыслить весь политический и экономический опыт нашей родины, все "достоинства" социалистической системы, государственного управления, партийного руководства КПСС, а также осмыслить свой путь на Запад.

С моей точки зрения, мысль, высказанная Владимиром Рудинским (Г.З. № 17, стр. 17), верна: "Мы, русские эмигранты, себя чувствуем антикоммунистами, ... россиянами (этническая принадлежность и время нам не важны)."

Это — важный фактор единения, который не исключает, а предполагает равноправие наций, народов, вероисповеданий и на данном этапе приводит к решению главного — единению в борьбе с мировым злом — социализмом, коммунизмом, фашизмом во всех его проявлениях.

Я закончу словом из попавшейся мне статьи ("Литературное Зарубежье" № 5—6, стр. 2):

"Наступила пора мириться и собираться вместе всем порядочным людям... пришло время протянуть друг другу руки... Слабые руки у каждого из нас, но все вместе могут спасти кающийся в пропасть мир."

Фале Файвиш

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

В своем воззвании А.Федосеев справедливо утверждает, что подавляющее большинство рабов социализма (1) стремится к освобождению (Г.З. №18).

Меньшинство, стало быть, довольствуется дарованными ему подачками, а также и некоторой властью над остальными рабами. Эту группу можно назвать "погонщиками". Вероятно именно это, хоть и поработенное, но до какой-то степени привилегированное меньшинство и имел в виду А.Федосеев, говоря не о всех рабах, а о подавляющем большинстве. В просторечье таких погонщиков называют "подгоняйлами".

Следует, однако, упомянуть и марксистских рабовладельцев. Рабов без рабовладельцев не бывает. При всяком рабовладельческом строе есть рабы, погонщики и рабовладельцы. При

марксистском рабовладении не всегда можно заменить резкое разграничение между этими группами; иногда они плавно переходят одна в другую.

Марксизм существенно отличается от других разновидностей рабовладения преклонением перед "Великой Идеей". До сих пор ни один рабовладелец или погонщик рабов еще никогда не говорил, что он владеет рабами или издевается над ними во имя достижения перманентного светлого будущего для всего человечества, включая и рабов. Марксисты же это ежедневно повторяют.

А.Федосеев прав, отмечая, что марксизм порождает не только экономическое, но и духовное рабство. Так, например, жертвы марксизма обязаны соглашаться с марксистской псевдонаукой, утверждающей, что вечна только материя и законы ее организующие, но никто не посмеет спросить: "А Кто же Законодатель? Кто создал план? Кто придумал законы мироздания?" Свободных дискуссий на такие темы в марксистском рабовладельческом обществе нет.

Важно также и то, что марксисты не только проповедают марксистское суесловие, но зачастую и фанатично ему верят. Если б не верили, то, отсидев годы в марксистском дурдоме и едва уцелев, не говорили б с гордостью: "Я и сейчас коммунист!" (ген. Григоренко, НРС, 14.3.78).

Схожих примеров вполне достаточно: Л.Плющ – неомарксист (Г.З. №9, стр.13). Левитин-Краснов провозглашает "великую правду" марксизма (Г.З. №7, стр.7). Но самое главное и (страшное) заключается в том, что среди русского населения СССР 69% некрещенных детей (НРС 30.12.78). Таким образом, мы видим, что вера в основное положение марксизма (атеизм) присуща не только марксистскому правящему классу, но многим рабам его.

Предложение А.Федосеева создать и развить идеологическое наступление вызывает следующие соображения:

правда – смертельный яд для злобного тупоумия марксизма.

Цель идеологического наступления – освобождение от марксистского духовного и экономического рабства.

Нужна, стало быть, критика марксизма – разоблачение его противоречивости и лживости.

В русской печати как самиздатской, так и зарубежной, критикуется главным образом советский строй. Критика марксизма встречается редко, а то и вовсе отвергается, как не связанная с событиями дня. Актуальными считаются, разумеется, такие темы: последние известия, диссидентство, общий гнет и произвол, но не обсуждение противоречий и недобросовестных пропагандных трюков Коммунистического Манифеста, трудов о "научном" атеизме и т.п. Иногда приходится слышать, что в марксизме, мол, все уже давно разочаровались, и тогда напрашивается вывод: следовательно, и убеждать никого не надо, потому что все уже все знают.

Однако соблазнительные надежды на неактуальность и ненужность критики марксизма не только необоснованны, но и опасны.

Еще Шульгин в своей книге "Три столицы" (1926 г.) утверждал, что коммунисты потеряли дух и веру. Книга была написана под диктовку ГПУ, и такое утверждение автора поэтому вполне понятно: ведь если марксизм "изжит", то и критиковать его незачем. Это дает советским органам возможность быстрее добиться выхолащивания идей противника и работы антикоммунистических сил на холостом ходу. Пример выхолащивания идей мы находим у младороссов, уверовавших в изживание марксизма и поэтому отказавшихся от его критики (см. "Младороссы", Р.Петрович, изд. ЗАРЯ, Лондон, Канада). Примером работы на холостом ходу может служить деятельность обманутой М.В.Захарченко-Шульц, занимавшейся бесполезной отправкой почты Треста (см. "НЕЗРИМАЯ ПАУТИНА" Б.Прянишникова). Обе книги весьма полезны для обсуждения вопросов, связанных с идеологическим наступлением, о котором говорит А.Федосеев.

Герой и мученик Юрий Галансков пошел в идеологическое наступление одиночкой. Вот, что пишет друг покойного – Е.Вагин ("Посев", №1234): "Одновременно с нами в больничной зоне лечился совсем еще молодой человек, с Урала, "истинный коммунист" Мне обычно не хватало терпения, казалось скучным и пыльным делом разбивать глиняные кумиры, я больше интересовался отношением к религии нашего упрямого оппонента. Другое дело Юра. Он терпеливо вникал в третьестепенные детали схоластических построений новоявленного марксистского теоретика, и – кирпичик по кирпичику – выбивал теоретический фундамент из-под его ног... Разговоры с ним не прошли бесследно для бывшего "истинного коммуниста". Сейчас он настоящий русский патриот".

Если это возможно за проволокой Архипелага, то и в печати следовало бы уделять как можно больше внимания тому, как кирпичек за кирпичиком разрушить начинающий разваливаться

марксистский фундамент. К сожалению, эмигрантской печатью в этом отношении делается недостаточно. ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ составляет счастливое исключение. Замечательна статья Д.Штурман о Ленине (Г.З. №13).

Свободная мысль и есть та сила, которой предстоит смести с лица земли марксистское мракобесие, а с ним и "величественное здание коммунизма".

Г.Алексееenko

В №20 журнала "Голос Зарубежья" в "Обзоре зарубежной печати" В.Рудинского, в части, касающейся "Часового" №628, я прочел следующее:

"В приложении "Информационный Бюллетень" удивляют и огорчают резкие и несправедливые нападки на В.Ингула, автор пишет, что Ингул нападает на вторую волну..., к которой он сам принадлежит.

Когда и откуда В.Рудинский взял, что я нападаю на вторую волну? В единственной моей вещи в "Информационном Бюллетене", статье "Наши расхождения", нет ни одного слова о второй волне. Есть "нападки" в ней на третью волну, и то не в целом. На вторую же волну в целом и вообще я никак не мог нападать – просто потому, что я был и остаюсь энтузиастом этой волны, породившей движение, ставшее теперь историческим, – Власовское движение.

С уважением
В.Ингул

1 мая 1981 г.

"Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?"

ЯН ПРОХАЗКА.

Плохая история?
Плохие народы??
Плохие вожди???

НА ЭТИ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ
ДОРА ШТУРМАН В КНИГЕ
"НАШ НОВЫЙ МИР"

Рукопись книги "Наш новый мир" (Теория. Эксперимент. Результат.) циркулирует в Самиздате с начала 70-х годов под псевдонимом В.Е.Богдан и была нелегально вывезена из СССР. Автор, эмигрировавший в Израиль, дополнил рукопись (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно подтвердили достоверность "подпольного" анализа. А значит, труд Д. Штурман может быть своего рода ориентиром для прогнозов развития советской системы.

Объем книги – 360 страниц; цена, включая пересылку, – 10 долларов (стоимость в Израиле – 75 шекелей). Книгу можно получить, отправив чек по адресу:
Sergei Tiktin, 422/6 Talpiot Mizrahk, Jerusalem 93802.

К сведению читателей! В "Г.З." №20 допущены досадные опечатки, а именно:

	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
<i>Стр. 6</i>	Протоиерей В.Константинов	Протоиерей Д.Константинов
<i>Стр. 18 (строки 10-11 св.)</i>	24 миллиона	24 миллиарда
<i>Стр. 33 (2-я колонка, 2-й абзац св.)</i>	То, что сталкивает... вырастает новый змей.	"То, что сталкивает... вырастает новый змей." (Цигата из Г.Померанца)
<i>Стр. 37 (1-я колонка, строка 11 св.)</i>	"упрямого счастья"	"прямого счастья"
<i>Стр. 43 (2-я колонка, строка 16 св.)</i>	Самбаева	Санбаева
<i>Стр. 45 (1-я колонка, строка 15 св.)</i>	гладкое	гадкое
<i>Стр. 46 (1-я колонка, строка 21 св.)</i>	побочным	порочным

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. Пирожкова. Всеединство</i>	1
<i>Д. Панин. Даешь право на забастовки!</i>	3
<i>А. Коэн. Ошибающийся дважды</i>	4
<i>Н. Нефедов. Проникновение советских провокаторов и шпионов в эмигрантскую прессу</i>	5
<i>В. Шатиль. Оцени дорогу свою!</i>	8
<i>В. Кобылин. Долг русской эмиграции</i>	14
<i>А. Опульский. Об одной повести и о рецензии на нее</i>	16
<i>Е. Кармазин. Еще о "третьем пути" В. Белоцерковского</i>	17
<i>В. Писарев. Прогнозирование прошлого</i>	19
<i>Д. Штурман. "С кем вы, мастера культуры?"</i>	23
<i>В. Рудинский. Обзор зарубежной печати</i>	36
<i>В. Пирожкова. Протоиерей Д. Константинов "Записки военного священника"</i>	40
<i>С. Войцеховский. "Новый журнал"</i>	43
<i>Письма в редакцию</i>	43

Главный редактор: В.Пирожкова

Verantwortlich für den Inhalt:

V. Pirochkowa

Адрес редакции: V. Pirochkowa

Einsteinstr. 104/III

D – 8000 München 80

BR Deutschland

Банковский счет –

Банк: Hypotheken - und Wechselbank

8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

